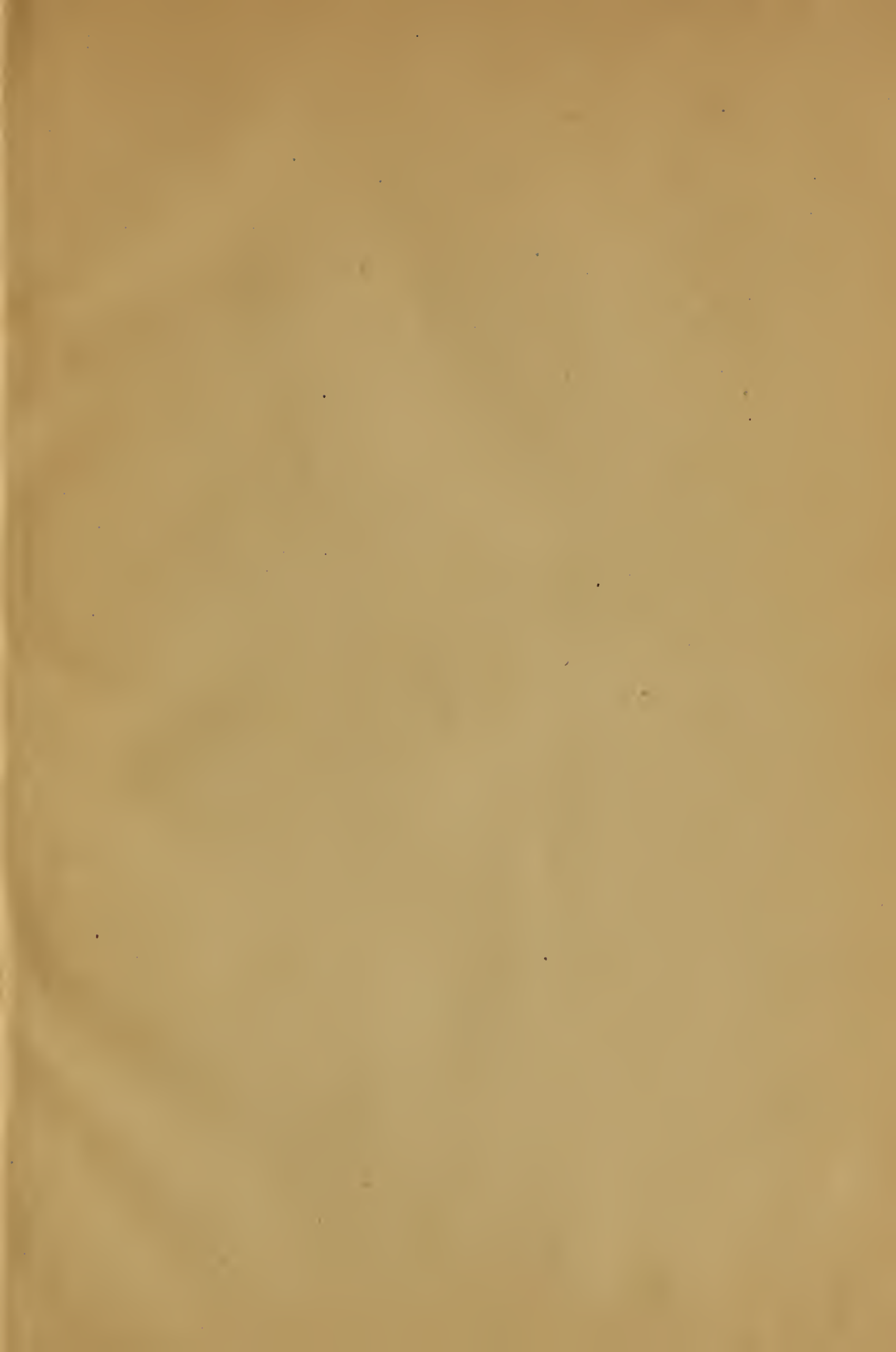
С. М. МАНЕНКОВ.

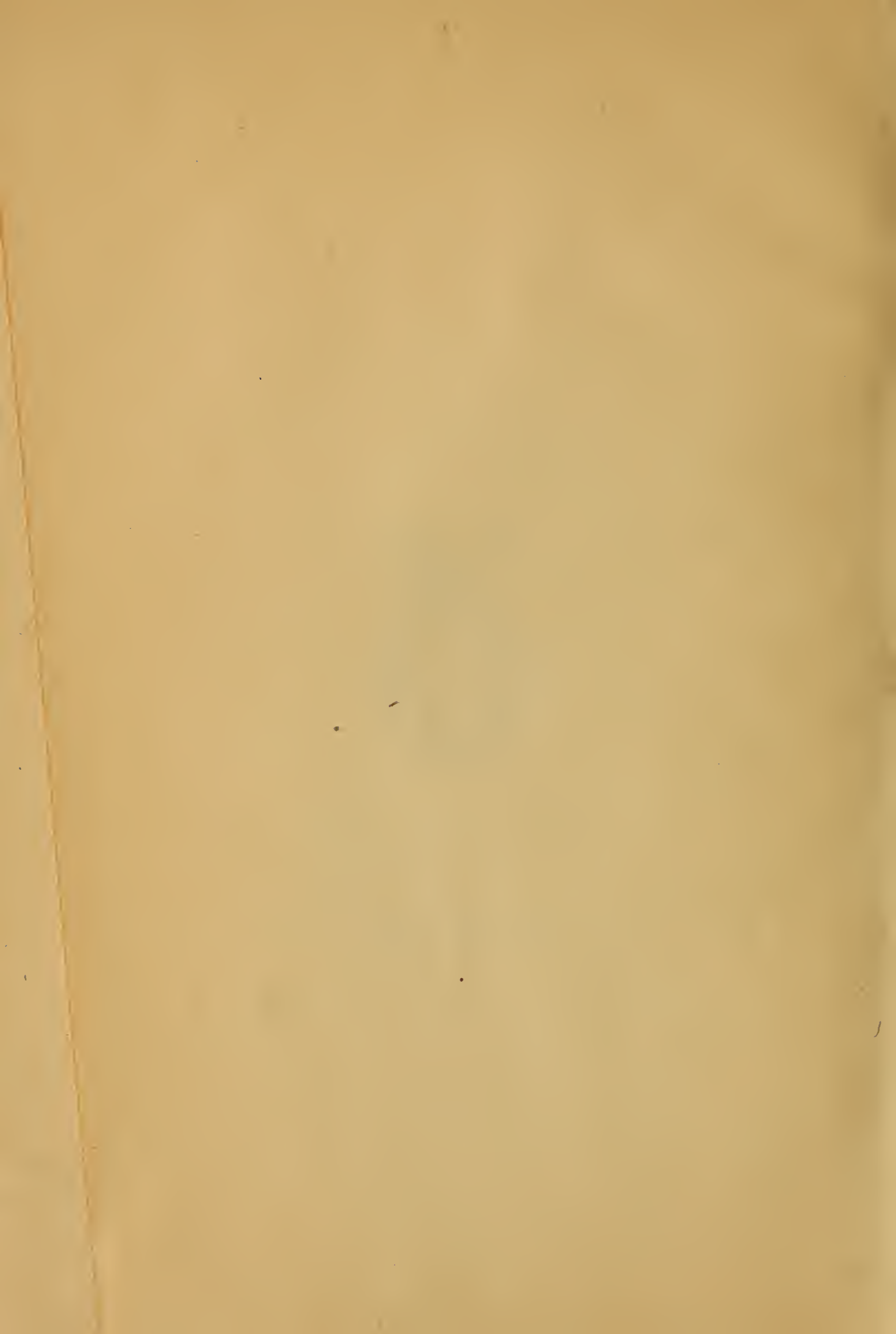
ДѢТИ ВРЕМЕНИ

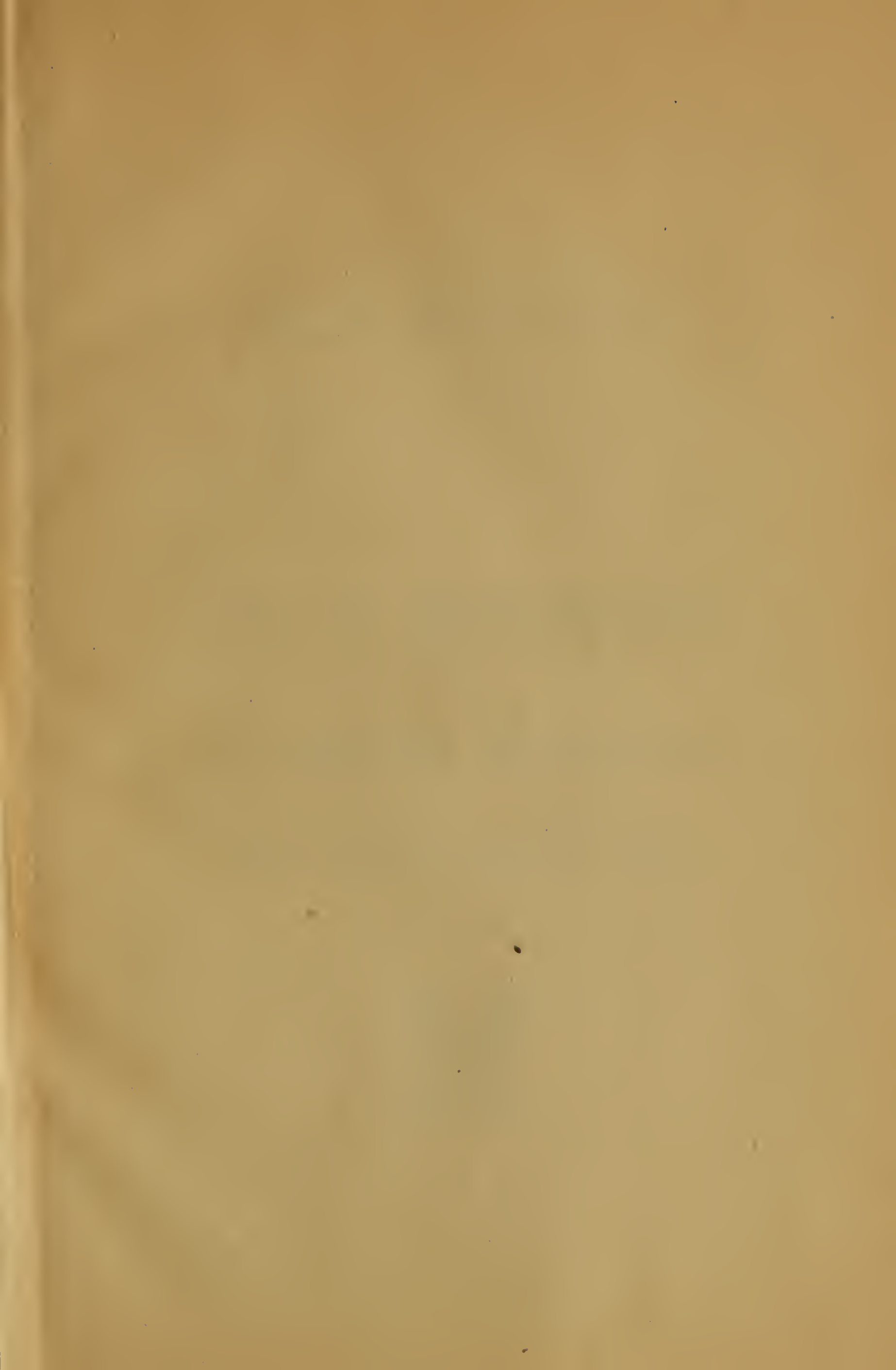
и другіе разсказы из жизни рабочих.

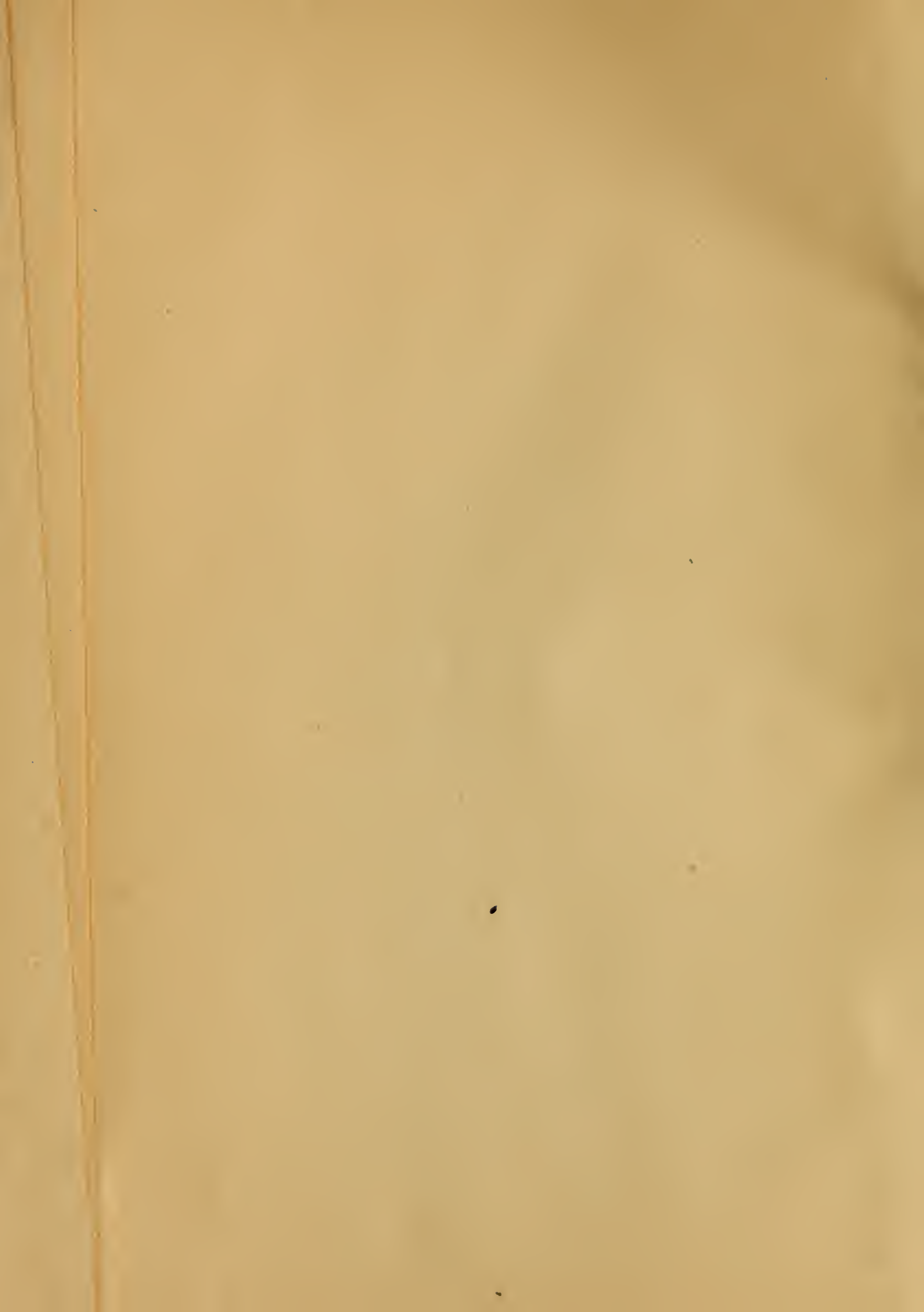
Цѣна 30 Сентов.

НЬЮ-IОРК, 1920 г.

С. М. Маненковъ.

ДѢТИ ВРЕМЕНИ

и другіе разсказы

из жизни рабочихъ.

ДѢТИ ВРЕМЕНИ.

Часов в семь вечера, в кухнѣ рабочаго Ланина сидѣли трое дѣтей его товарища Дубова, они зашли с урока русскаго языка, который они берут еженедѣльно недалеко от квартиры Ланина.

Жена Ланина, Маша угощала их чаем и расправшивала:

— Ну как вы там поживаете?

— Да вот папенька наш опять простудился и говорит чуть чуть слышно, — отвѣтила дѣвушка лѣт пятнадцати, Саша.

Средній мальчик Володя хотѣл что-то сказать, но его перебил младшій брат лѣт одинадцати, Сеня.

— Тетя Маша нам, Кузнецов, — знаешь тот солдат, что из Франціи пріѣхал, подарил маленькую бѣленькую собачку, такую, хо-ро-шенькую, страсть, мордочка у ней тоненькая, тоненькая...

— Ха-ха-ха, — засмѣялся Володя, — она его поцѣловала вчера...

— Поцѣловала, вот как! — воскликнула Маша и весело засмѣялась, Володя и Саша дружно вторили ей; Сеня, покраснѣвшій и сконфуженный пожимался на стулѣ, порой взглядывая на окружавших, он порывался говорить, но послѣ одной, другой попытки он рѣшил, что „кончат-же они смѣяться, когда им надоѣст", — и в ожиданіи сѣл на стул.

И лишь только прекратился смѣх, как Сеня вскочил со стола и, глядя на Машу, быстро заговорил, размахивая руками. — Она меня не поцѣловала, я играл с ней, держал ее на коленях и гладил, а она прыгала и играла. Один раз она высоко подпрыгнула и лизнула мой нос языком и чуть, чуть дотронулась им мнѣ вот тут, — он показал пальцем мѣсто в углу рта.

— Вот вот, она тебя и поцѣловала, — смѣясь говорила его сестра Саша.

— Нѣт, не поцѣловала, а только лизнула, — энергично защищался красный как рак Сеня, — но ему должно быть не вѣрили и всѣ смѣялись пуще прежняго. Потупив глаза в стол, Сеня сѣл и стал пить, остывшій чай.

Раздался звонок. Маша пошла открыть дверь; вошел мальчик лѣт двѣнадцати.

— А здравствуйте Гриша, — привѣтствовала мальчика Маша, и направила его в столовую. Гриша, идя впереди ея по корoдиру, говорил:

— Меня сестра послала спросить, продали-ли вы билеты на бал и пойдете-ли вы сами?

— Из знакомых никто не заходил к нам в эти дни, не продали, и самим тоже не на что пойти, денег нѣт, — оправдываясь сказала Маша, и они вошли в столовую.

В столовой, за круглым столом сидѣл ея муж, Ланин и что-то писал.

— Вот этот мальчик, с улыбкой на лицѣ и, подмигнув мужу, проговорила Маша.

Гриша однажды был уже у них, но Ланина тогда не было дома и Маша, поговорив кой о чем с Гришей нашла его очень интересным и умным мальчи-

ком и теперь она представила его мужу.

— А, здравствуй дружище, — проговорил, усмѣхнувшись Ланин, — как тебя, погоди, погоди, — и он подняв глаза вверх, стал припоминать Гришину фамилію, — Гордов, — воскликнул он и протянул Гришѣ руку через стол.

— Да, — улыбаясь, проговорил Гриша, подав руку, — затѣм глядя на Машу, сказал:

— Значит вы не пойдете?

— Нѣт брат, чахотка в карманѣ завелась, — смѣясь отвѣтил за жену Ланин.

Тѣм временем Гриша непринужденно и внимательно разсматривал картины, развѣшенныя по стѣнам столовой и, переходя к слѣдующей, проговорил:

— Теперь не у одних вас она завелась.

Маша, усмѣхнувшись, подмигнула мужу, и он обращаясь к ней, сказал:

— Так пойди познакомь его с тѣм молодым поколеніем-то.

Маша пригласила Гришу зайти в кухню и, входя за ним, проговорила:

— Вот еще гость, — и обращаясь к Гришѣ, добавила: — Вот рекомендую тебѣ товарищей, американцев.

Гриша, сняв кепку с головы, которую зачѣм-то надѣл, направляясь в кухню и встав в простенкѣ, у окна лицом к столу проговорил:

— Какіе это американцы, они такіе-же как и я; американцев-то в цѣлом Нью Іоркѣ и сотни не найдешь; все иностранцы.

— Как это иностранцы, — вмѣшалась Саша Дубова, — а кто-же здѣсь построил все... всѣ дома, фаб-

рики, желѣзныя дороги и всю культуру?

— Иностранцы и понастроили, — отвѣтил Гриша.

— Нѣт, нѣт, — возразила Саша, — я знаю из исторіи, Квакеры пріѣхали из Англіи, но их потомки родились здѣсь, тѣ уже американцы...

— Что ты мнѣ говоришь об исторіи, я знаю „на сквозь" американскую исторію, настоящіе американцы, это индѣйцы, их и милліона не наберешь во всей Америкѣ, а остальные—всѣ иностранцы, одни пріѣхали раньше, другіе позже, а то что родился здѣсь, это ничего не значит, все равно он иностранец.

— Ты говоришь, что знаешь хорошо исторію, а в каком ты классѣ? — спросила Саша.

— В шестом, — отвѣтил Гриша.

— А я уже кончила школу...

— Я тоже кончил в штатѣ Пенсильваніи, но мнѣ не было еще двѣнадцати лѣт, и мнѣ велѣли ходить до тринадцати лѣт, и свидѣтельства не написали, потом мы выѣхали оттуда сюда, так и осталось, а здѣсь я опять в школу хожу, но в это лѣто окончу.

— Как это, это не правда, — протестовала Саша, — они должны были выдать...

— Вот, что с ним подѣлаешь, — развел руками Гриша, с миной взрослаго человѣка, как бы говоря, «что против рожна не попрешь».

— Да вы отсюда должны телеграмму послать и вам вышлют.

— Не вышлют, говорю, сказали мал я еще, вот и все. Все равно этим лѣтом кончу, а потом, может и в Россію поѣдем.

— Вы хотите в Россію ѣхать? — спросила Саша.

— О, отец хотя-бы и сейчас, — взмахнув кепкой,

которую он держал все время в рукѣ, — да не пущают. А вы поѣдете? — в свою очередь спросил Гриша, глядя на Сашу.

— Да, мы тоже поѣдем, но не сейчас, как ты говоришь, я хожу теперь в комерческую школу, бросить нельзя, что-же папа даром деньги-то заплотит. Через год я кончу и тогда поѣдем, тогда я могу там получить хорошую должность; я буду знать: стенографію, бухгалтерію и англійскій язык.

— Англійскій-то язык и я знаю: — а вы знаете большевистскую программу? — задал вопрос Гриша.

— Нѣт, — покраснѣв отвѣтила Саша, — я была на балу в шестом соціалистическом отдѣлѣ, хотѣла поступить членом, но меня не приняли.

— А сколько вам лѣт? — спросил Гриша.

— Пятнадцать.

— Знаешь что, — воскликнул Гриша, — ты не только хорошаго мѣста, а по большевистской программѣ должна будешь ходить еще в школу до восемнадцати лѣт и по окончаніи школы, правительство на свой счет высылает всѣх за границу на три года; для того, что-б еще больше научиться, ѣздить по разным государствам, смотрѣть что у них есть хорошаго и новаго, вот как там.

Я этого не знаю, — отчасти озадаченная, сказала Саша, собирая крошки хлѣба около своего блюдца и кладя их на послѣднее. Ея братья изумленно смотрѣли на Гришу, видимо, подавленные его познаніями.

Гриша-же сознавал, что побѣда осталась за ним, но он не гордился ею, он имѣл доброе сердце и, не желая Сашу ставить в неловкое положеніе, быстро

измѣнил тему разговора.

— Знаете что, — весело улыбаясь воскликнул он, — у Вильсона горло заболѣло; договорился.... Ха-ха-ха, — залился он задорным смѣхом. Его смѣх заразил всѣх: смѣялись не извѣстно над чѣм, над Вильсоном-ли или над самим Гришей, который при послѣдних словах с такой комичностью махнул своей кепкой, как бы говоря: «Но все пропало».

В дверях кухни показался смѣющійся Ланин и, закуривая папиросу, проговорил:

— Это у него, навѣрное, от Лиги Націй, вѣдь сколько времени все о ней говорят и говорят; «а воз все не двигается с мѣста».

— Да это не воз, эта лига націй есть труп мертвый, — воскликнул Гриша, — да и не труп, а туловище без рук, без ног и без головы, оно мертвое и не двигается и не двинется, и его выбросят вот так, — он толкнул одной и другой ногой, точно что-то отбрасывая, — да его уже и выбросили. Теперь засѣдают три великіе и строят мир.

— А я читал, что четверо, — замѣтил Ланин.

— Нѣт, трое, Италія уже вышла, — воскликнул Гриша, — то что она хочет, ей не дают.

Вильсон тоже хотѣл уйти, но еще остался, уйдет и он, останутся двое, потом и они уйдут, или их прогонят; ничего они не сдѣлают.

И что они там дѣлают, они там мир и не думают дѣлать, они там только говорят, ругаются и спорят; каждый хочет только дѣлить и себѣ захватить больше.

— Да, — сказал Ланин, — с Германіи хотят взять что-то около ста милліардов....

— Сто, нѣт не сто, а больше как двѣсти хотят

взять с нея, — перебил Ланина Гриша и засмѣялся, — а она знаете, тридцати милліардов со всѣми требухами-то не стоит, гы-гы, — продолжал он смѣяться.

Ланин с восхищеніем смотрѣл на мальчика, его приводили в восторг его пониманіе и сужденіе, ему хотѣлось, что-б он говорил больше и он сказал:

— Да, они там торгуются, спорят да говорят, а большевики дѣло дѣлают.

— Большевики-то, да, да, — быстро подхватил Гриша и продолжал, глядя на Ланина. — Знаешь, они могли бы там, в Сибири побить союзниковъ, как кур, как цыплят, — махнул он своей кепкой, — но они не хотят их бить. Они знаете, дѣлают так, — он вышел на середину кухни и, сунув кепку под мышку, выставил руки вперед, — окружат их пулеметами со всѣх сторон, — при этом он загребал руками невидимыхъ врагов и, сложив ладони так, точно, держал в них пойманную пташку, продолжал, — и держат их в серединѣ, но не бьют, а только дают им читать книжки и прокламаціи; — а потом, вот так сдѣлают им маленькую щелочку, — Гриша разжал чуть чуть концы своих пальцев и продолжал, — и выпустят, говоря: «Идите только на Сѣвер; откуда пришли»; вот как они дѣлают.

Всѣ с большим интересом слушали маленькаго оратора. Маша с застывшей улыбкой сидѣла на стулѣ и глазами, как бы заглядывая Гришѣ в рот, с нетерпѣніем ожидая, что он еще скажет. Всѣ дѣти Дубова с широко открытыми удивленными глазами смотрѣли на него, не спуская глаз, особенно мальчики. Ланин улыбаясь, курил и, когда Гриша кончил, сказал:

— Ну брат, вот так ты, молодец. — Знаешь, ты

на митингѣ мог бы ораторствовать, честное слово.

Гриша стоя вновь в своем простѣнкѣ, сконфуженно, отвернув лицо в сторону проговорил:

— Какой я оратор, я еще маленькій...

— Но уж очень ты толково говоришь.

— Ну, а как ты в школѣ, небось тоже агитируешь учеников-то? — спросил Ланин.

— О да, бывает, да что они понимают; чуть что скажешь, а они сейчас: «Большевик, большевик!»; большвеики, говорят, людей за ничто убивают: и сейчас-же ко мнѣ драться лезут.

— Это плохо, — с сожалѣніем проговорил Ланин.

— Нѣт ничего, — быстро выскочив на середину кухни, сказал Гриша. Я тоже, как начинают меня бить, и я бью, сейчас живо; — он скакнул в ту и другую сторону, размахивая кулаченками и, встав, проговорил, — дам кому в морду, кому в зубы и убѣгу, — и он прислонился опять к простѣнку; кухня огласилась дружным смѣхом.

Ланин перестав смѣяться, но еще улыбаясь, проговорил:

— Ну брат, хотя ты и орленок, как я вижу, но все таки ты один, и поэтому дѣло твое дрянь.

— Да здѣсь-то у меня это мало бывает, — возразил Гриша, — вот в Пенсильваніи, когда я был, оттуда мы и сюда пріѣхали; там у меня была каждый день война....

— Тоже из за большевиков? — спросила Маша.

— Да, — отвѣтил Гриша и продолжал. — Один раз как-то надоѣло мнѣ слушать, как они на большевиков все нападают, я и сказал, что они ничего о большевиках не понимают, и что большевики, это всѣ

бѣдные, рабочіе люди и что они хотят сдѣлать, что-б всѣм рабочим хорошо было. А они тут-же на меня и накинулись, здорово тогда подрался, их было пятеро; мнѣ попало, но и я им дал, потом вырвался и убѣжал. С тѣх пор и пошло почти каждый день, или ждут они меня у выхода школы, и тогда на кулаки надо драться и убѣгать, а если их нѣт у школы, то я ходил только один в эту сторону через большую луговину, к нашей фармѣ, а они в другую тогда кидали камнями. Но я то один, а луговина-то большая,— Гриша снова вышел на середину кухни, — они кидают, камни лѣтят, туда и сюда, я отпрыгиваю то в одну, то в другую сторону; — в одного-то трудно попасть, а я тоже кидаю, их-то много, в кого нибудь да попаду. Один раз одному голову проломил.

— Однакож ты не много на свѣтѣ-то живешь, а приключеній, как видно, у тебя не мало, — смѣясь сказал Ланин. Уж очень ты боевой.

О да, много,—встрепенувшись, воскликнул Гриша, — вот в прошлое лѣто молнія ударила в наш дом и чуть-чуть меня не убила. Это было так: сидѣл я у окна, близко к простенку, вдруг, «трах!» — стѣна напротив меня треснула, а вы знаете из какого камня был дом-то построен: Из дикаго тесанаго камня; камни во-о, какія, — и он растопырил во всю ширину свои небольшія руки. Дом-то на сотни лѣт строился, да он уж и стоял лѣт сто. Теперь уж так не строят. Теперешній дом от такого удара в дребезги разсыпался-б, а у того только стѣна треснула и крышу разворотило. Так вот, когда ударило, я чуть не оглох, и теперь мнѣ кажется, что не так уж слышу, и тогда я видѣл, как около меня,, точно огненная стрѣла пролетѣла и пря-

мо в окно, а не далеко, напротив был сарай из толстых, в обхват, бровен построен; теперь уж из таких не строют; ударила в него, а там лежало все, соломы полный сарай, хлѣб только-что обмолоченый, двѣ лошади и корова там же стояли. Отец и говорит: «Ну Гриша, идем скорѣй выводить, я лошадей, а ты корову». Перед тѣм я боронил и когда прiѣхал, то так, не снимая уздечки, ее в сарай и поставил; ну отец ее сразу взял за уздечку и вывел, корову-же я не могу выгнать да и только, уж искры сыпятся сквозь потолок, и огонь в щели пробиваться начал, а она дура, один раз совсѣм было уж выгнал, она назад, — прет в огонь, насилу выгнал; и только отогнал шагов десять, как сразу огонь охватил весь сарай.

— Что, застраховано было? — спросила Маша.

— Что это?

— Я говорю, застрахован был у вас сарай-то или нѣт, а то вы могли бы получить за это.

— О, да-да, застрахован; мы получили шестьсот долларов, да за трещину в стѣнѣ двадцать пять содрали с компанiи, — смѣясь закончил Гриша.

— По большевистски, — пошутила Маша.

— Чего там по большевически, — серьезно, глядя на Машу, возразил Гриша. Стѣна-то вѣдь с трещиной уж некрѣпкая, а компанiя-то богатая, для нея эти деньги, как для меня один сент.

— Вѣрно брат, правильно, — захохотав, сказал Ланин, другiе поддержали его и, всѣ смѣясь и улыбаясь, смотрѣли на Гришу, а он продолжал:

— И то агент говорит: «Чтож, это закрасить можно»; а я ему сказал; закрасить-то можно, но она может развалиться, мжно бы с него больше за нее взять,

да отец испортил, говорит: «давай двадцать пять», и агент согласился.

— Да, проворонил твой отец, — скрывая улыбку, замѣтил Ланин.

— Я уж ему говорил, что за нее сотню можно бы было взять, — подтвердил Гриша и, засмѣявшись продолжал. А еще один раз, вот что было: Отец на молодой лошади пахал, а я на старой боронил, когда мы кончили и шли домой, отец вел молодую лошадь, а я старую, а эта старая очень любила играть. И вот она начала: то мнѣ по шеѣ потрет мордой, то по лицу, а сама все, «и-го-го».

— Это она смѣялась, — сказала Маша.

Гриша сурово, глянув на нее поправил:

— Лошадь не смѣется, а ржет, — Маша закусила нижнюю губу, чтоб не разсмѣяться, — а Гриша продолжал: — Вот она играла, играла, потом, както подцѣпила меня головой, да как махнет, я и полетѣл через частокол прямо в огород. Хорошо, что земля там была вспахана, как упал то было мягко и ничего, только немножко ушибся.

— Да счастлив ты, что не упал на частокол, замѣтил Ланин.

— Ну уж и дал же ей отец кнутом за это, — Гриша быстро вышел на середину кухни, прикусив нижнюю губу, сдѣлал злое лицо, «должно быть, изображая отца» и, ожесточенно махнув рукой два раза, приговаривал: — «Не играй, не играй, если не можешь», — кухня огласилась дружным хохотом слушавших.

— А что, любишь ты фарму? — спросила Маша, глядя на Гришу, снова стоявшаго в простѣнкѣ у окна, послѣднiй быстро перебросил свою кепку из правой

руки в лѣвую и, продѣлав это, он воскликнул:

— Я-то, о да, люблю; да вот этот не позволяет, — и он размашисто ударил правой рукой себя по карману.

Маша громко захохотав, чуть не упала со стула на пол. Ланин подмигнув ей проговорил:

— Ну, что ты смѣешься, он дѣло говорит, бѣдному всюду плохо...

— Да да, — подхватил Гриша: — на то, не хватает; того нѣт, другого нѣт. Вот теперь говорят в Россіи мужикам хорошо, — говорил Гриша, — правительство во всем помогает: денег в займы дает, машины разныя для них покупает, учителей по деревням посылает, которые учат как пахать, как сѣять, и все такое, что нужно знать мужикам.

Здѣсь-же, — продолжал Гриша, — хорошо на фармѣ у кого денег много. Около нас жил богатый фармер, у него было сто пятьдесят акров земли, пятьнадцать коров и двѣ машины, которыя называются тракторами: это такія машины, что все дѣлают: и пашут, и жнут, и молотят. А мы, бѣдные, так и не могли купить такой машины, и отец сам сдѣлал молотилку.

— Да, это интересно, — сказал Ланин, как же он ее сдѣлал?

— Это очень просто: «Вы видали, может быть, круглый вал, которым забороненное поле укатвают, — глядя на Ланина, говорил Гриша, Ланин кивнул головой, — так вот недалеко от него, к этому-же станку папаша придѣлал другой вал четырехугольный — из толстых досок сколотил его; в концы вала вставил по желѣзному штиву, а на штивы надѣл шестерни, по такой же шестернѣ поставил и у круглаго вала, на них

накладывались желѣзныя цѣпочки, и когда лошадь везла станок, то круглый вал катился по землѣ, четырехугольный-же немножко недоставал до земли, а цѣпочки вертѣли его. Мы разстилали овес и водили лошадь по нем; вал вертѣлся и ударял досками по овсу, мы перевертывали овес, пока не обмолотили хорошо, потом оттребали солому, а внизу оставались зерна; но они не были чисты, то знаешь, их надо подбрасывать вверх...

— Это называется вѣять, — сказал Ланин.

— Да, да, — согласился Гриша, — и тогда вѣтер относит шелуху и мусор, в сторону, а чистое зерно остается.

— Однакож твой отец-то мозговитый, — проговорил, усмѣхнувшись Ланин.

— Знаеш, когда мы так молотили, то другіе фармера глядѣли-глядѣли издали и не могли додуматься, что мы дѣлаем; много людей приходило к нам и смотрѣли эту машину, и как это мы молотим ею.

— А чѣм твой папа теперь занимается, — спросила Маша Гришу.

— Он механик.

— Ага, — значительно произнес Ланин, — тогда другое дѣло, а как ты сам ничего не придумал изобрѣсть? — улыбаясь, задал вопрос Ланин Гришѣ.

— Я знаешь думал о подводной лодкѣ, когда она утопает, — переминаясь с ноги на ногу, начал Гриша. Вѣдь можно бы спасти из нея людей, если бы устроить так. Вы видали когда нибудь подводную лодку? — обратился Гриша к Ланину.

— Нѣт, — отвѣтил, нѣсколько смущенный Ланин.

— Знаешь, в ней есть такая дыра, в которую

влезают люди внутрь лодки, а когда влезут, то она закручивается такой крышкой с винтовым нарѣзом, что-б вода не проходила. Так вот, около этой дыры можно сдѣлать другую дыру и в этой дырѣ, чтоб помѣщалась лодка, но она должна тѣсно входить в свое помѣщеніе; это для того, что-б при открытіи его для выхода лодки, вода не могла просачиваться между стѣнок лодки и стѣнками помѣщенія, так как вода затрудняла бы, и засасывала бы лодку. Еще надо сдѣлать такой механизм с ручкой или колесом, что-б только повернуть или нажать, и получить желаемое дѣйствіе. Эта лодка должна быть легче воды и ежедневно должна наполняться свѣжим воздухом. И вот, когда есть опасность, вѣдь они там исполняют всѣ приказы по телефону; капитан увѣдомляет всѣх, они спѣшат в лодку, повертывают колесо механизма, дыра открывается, и лодка с людьми, как торпеда, выскакивает из помѣщенія, выходит на верх, и раскрывается. — Я говорил об этом отцу, и он сказал, что попробовалбы это, еслиб у него были деньги.

— Да вѣдь это не особенно нужно, — жестикулируя рукой и глядя на Ланина, — продолжал Гриша, — это только во время войны, а теперь война окончилась, и я перестал думать об этом, — закончил он.

— Ну брат, недаром я вижу ты имѣешь крупную голову; ты брат молодой орленок, рости, рости, кто может знать, — Ланин подошел к Гришѣ и, погладив его по головѣ, глядя на всѣх, закончил, — быть может, пред нами стоит будущій великій изобрѣтатель.

Гриша нѣсколько сконфузился и кивком головы, освободившись от руки Ланина, быстро заговорил:

— Еще я думал о телефонѣ, знаешь, как сдѣлано теперь этак нехорошо: если кто телефонирует, то можно все подслушать, кто только хочет, и я уже обдумал как это сдѣлать: в моей будкѣ можно будет хоть стрѣлять, но рядом с ней ничего не будет слышно...

Раздался звонок в кухнѣ. Саша отвѣтила, нажав кнопку в стѣнѣ.

— Досвиданья, уже поздно, — сорвавшись с мѣста, проговорил Гриша, — это навѣрное за мной, — добавил он и выбѣжал из кухни.

— Как у вас открывается дверь? — донесся его голос из коридора.

— Сейчас, сейчас открою, — говорил Ланин, быстро идя по корридору, и открыл дверь.

— Какой это замок у вас? — спросил Гриша, стоя за дверью.

— Американскій, как закроешь дверь, то сам запирается, — улыбаясь, пояснил Ланин.

— А у нас простой, — отвѣтил Гриша.

— Что ты там заговорился, — доносся с низу голос Гришиной сетстры старшей его. Гриша стремглав пустился вниз по лѣстницѣ.

— Да он уж очень хорошо разсказывает, — перегнувшись через перила ,крикнул вниз Ланин. Но снизу доносился лишь раздраженный голос Гришиной сестры, говорившей:

— Чего здѣсь загостился, папа и мама сердятся; уж десять часов, ходи тут за тобой.

— Да, немножко засидѣлся, — отвѣтил Гриша.

— Немножко, хорошо немножко; пошел восьми не было, а теперь послѣ десяти.

Затѣм хлопнула выходная дверь, и брат с сестрой вышли на улицу.

ПО ДОРОГѢ.

Было около семи часов утра. Маленькій промышленный американскій городок, весь утопавшій в зелени, шумно пробуждался.

По улицам с грохотом раз'ѣзжали фургоны, брички и грузовые автомобили.

На окраинѣ города, между холмов по ущелью, изгибаясь точно огромная темная змѣя пролегла желѣзная дорога. Недалеко от станціи через то же ущелье перекинут был мост шоссейной дороги. На нем видимо поджидал кого то молодой человѣк. Он старательно курил трубку, выпуская огромные клубы дыма и ежеминутно сплевывая, отирал губы ладонью. Он пристально всмотрѣлся в глубь улицы. По тротуару в полумглѣ от развѣсистых деревьев и легкаго тумана двигалась мужская тѣнь по направленію к мосту.

— Иди скорѣй, чего так тянешься! — крикнул ожидашій, и про себя добавил.—опять можем опоздать.

— Иду, иду, — отвѣтил другой.

— С добрым утром, мистер Сафронов.

— С добрым утром, мистер Мотылев. — Ухмыльнулся Сафронов, утроив букву «р» в словѣ «мистер».

Они работали вблизи лежащем мѣстѣчкѣ в шелкоткацкой фабрикѣ и каждое утро сходились на мосту; кто приходил первым, ожидал другого. Перейдя мост, они пошли по хорошей цементовой дорогѣ, пролегавшей по берегу залива.

Был полный прилив, вода спокойно стояла окаймленная отлогими берегами, поросшими густой и сочной травой. Порой вѣтерок рябил поверхность воды;

тогда лучи восходящаго солнца загорались милліонами искр на поверхности залива, и казалось, точно кто-то невидимый, огромной рукой разбрасывал брилліанты по всему водяному пространству.

Два спутника шли молча, безучастно и лѣниво посматривая по сторонам.

На склонѣ холмов, по краям дороги стояли красивые и легкіе, точно игрушечные, домики с палисадниками, в которых заботливо была взрыхлена земля; там уже расцвѣтали цвѣты, услаждая владѣльцев и будя зависть в прохожих.

Влажныя листья деревьев блестѣли на солнцѣ. Разноперое птичье царство, опьяненное утренним возду хом и восходом солнца, пѣло, свистало и щебетало на разные лады. На что воробей, и тот, сидя на карнизѣ дома, так усердно и старательно чирикал и трепал крылышками, точно желал показать всѣм, что он лучшій пѣвун в свѣтѣ.

Вдруг Мотылев быстро повернул в сторону, почти бѣгом приблизился к группѣ деревьев близ дороги, и, глядя вверх, воскликнул:

— Смотри... смотри!

Как раз в это время бѣлка, скакнув на близь стоящее дерево, повисла на сучкѣ, распустив свой пушистый хвост, затѣм, взобравшись на сучок, проворно побѣжаа по нему и, прыгнув на ствол дерева, вцѣпилась в кору ствола и застыла в этой позѣ: только хвост пушистый, тихо качавшійся в воздухѣ, да быстрые хитрые глазки, внимательно смотрѣвшіе на прохожих, как бы говорили:

— «А вот вы так не можете!»

Рабочіе внимательно слѣдили за движеніями бѣл-

кн. Мотылев, улыбаясь, проговорил:

— Тоже живет.... и какіе они всегда чистенькіе, как новыя игрушки.

— Да, живет, — задумчиво проговорил Сафронов и, помолчав, добавил, — может быть, еще получше нас.

— Ну уж это-то, пожалуй, и неправда, — возразил Мотылев, выходя на дорогу, и добавил, но уже неувѣренным тоном. — Нашел кому завидовать!

Помолчав, Мотылев заговорил тихим и ровным голосом, точно доставая или вытаскивая слова откуда-то из глубины. Он осторожно разставлял слова, как бы опасаясь поломать или разбить их, и тѣм прервать нить своих мыслей.

— Да... жизнь была-бы сносна... даже хороша, еслиб рабочій человѣк был как нибудь обезпечен в завтрашнем днѣ. А то что, развѣ это жизнь? Это какое-то вѣчное дрожанье. Сегодня дрожим за то, имѣет ли хозяин заказ на его товар, и будет ли для тебя работа; завтра дрожим пред хозяином, чтоб не придрался к чему либо и не выбросил тебя за дверь, как сор негодный, хотя порой причина-то совсѣм не твоя, или вовсе ея нѣт, а так, за здорово живешь. Быть может за завтраком ему не понравилось кофе, или булки, или с женой он поссорился, да мало-ли, что еще, — и он уже не в духѣ! Идет он на фабрику, как туча грозная, гнѣвным взглядом осматривает всѣх и вся, и уж что нибудь да найдет...

Потому что злоба... А она выхода ищет, и находит нашего брата, рабочаго! И расплачивается наш брат за все: и за кофе, и за булки, и за жену, что ему не догодила.

Сафронов сердито кашлянув, сплюнул в сторону, а Мотылев продолжал.

— А развѣ мы не видим и не чувствуем, что справедливо, и что нѣт...

— Ну, конечно чувствуем, да еще как! — воскликнул Сафронов.

— Да они-то мало считаются с этим.

— Ну, да да... Вот это-то меня и возмущает, — перебил его Мотылев, — что они не хотят признавать нас за людей, а так, вродѣ машин, или скотины считают нас.

— Ты говоришь, — начал Сафронов, — что они нас считают, вродѣ машины, или скотины, — это не вѣрно.

— А как же ты думаешь, за родного они тебя считают? — насмѣшливо перебил Мотылев.

— Да ты погоди, дай сказать, а потом и говори — воскликнул Сафронов. — О машинѣ или скотинѣ, если онѣ его, он заботится, чтоб машина не поломалась, а скотина не заболѣла, ну а о нашем братѣ — шалишь, голубчик. Мы, брат ввидѣ лимона, видал ты, я думаю, как в американских салунах приготовляют кислую водку. Возьмет это человѣк лимон, разрѣжет на двѣ половинки, положит в такіе щипцы с двумя ручками, да как вот этак рукой, — он вытянул свою длинную, сухощавую руку и, поспѣшно сгибая пальцы в кулак, крѣпко стиснул его так, что суставы хрустнули, — тиснет этак, и весь сок выльется прямо в стакан, кожицу же он бросает в мусорную бочку. Точно таким манером хозяева наши давят нас. Только есть разница: сок лимона течет в стакан, а наш течет к хозяевам в карман; кожицу то онѣ бросают в мусор-

ную бочку, а нас выбрасывают за дверь, прямо на улицу.

— Слышь, что я тебѣ еще хочу сказать, — заговорл снова Сафронов. — По моему, так просто людей уж очень много на свѣтѣ народилось, тѣсно стало, и земля не может прокормить такую пропасть народа, ну каждый и рвет один от другого кусок хлѣба, потому все и дорого и день ото дня дорожает. Также и работа, гдѣ нужно десять человѣк, туда лѣзет сто... — Я так думаю, ежели бы, например, война какая большая случилась, или болѣзнь какая, вродѣ холеры, или еще, что нибудь позабористѣй этой госпожи появилось, так чтоб около половины людей убыло... О-о, тогда могло бы быть другое дѣло! Повсюду было бы простор и довольство.

Мотылев недовольно воскликнул.

— Эва, ты куда хватил! Пересолил ты, голубчик, заблудился, как в лѣсу, и, не найдя правильной дороги, попал на тропочку, которую проторили дикія свиньи (или кабаны, как их называют). Ну а в людской жизни это уж не тропочка, а большая торная, хотя и фальшивая, дорога, по которой вѣками идут и торят ее всѣ, что сидят на наших шеях. Они тоже так говорят, чтоб оправдать свои вредныя для общества дѣла, что людей много народилось, что земля мало родит и т. д. А я тебѣ скажу, что нѣт, и сто раз нѣт! Все это ложь, ты говоришь, что половина людей должна пойти на смарку. А сам-то ты навѣрное думаешь остаться жить. Он вопросительно посмотрѣл на Сафронова. Послѣдній вспыхнул, как кумач, и понурив голову, ничего не отвѣтил. Мотылев продолжал.

— И другіе тоже хотят жить. Нѣт, друг!

Тут суть не в том, что много людей народилось, а в том, что порядки ни к чорту не годятся... Приходилось мнѣ читать кое какую статистику, что земля может прокормить в пять раз, а другіе утверждают, что в десять раз больше народу, чѣм есть теперь, но только при других порядках и законах.

Да к слову сказать, около года тому назад я читал в газетах такой случай:

Одна компанія, будучи хозяином рынка в Боффало или Филадельфіи, доставила пароход, нагруженный бананами в один из этих городов, но увидѣв, что в складах есть большіе запасы бананов и не желая выпускать их на рынок в большом количествѣ, во избѣжаніе пониженія цѣн, она распорядилась вывезти их в открытое море и выбросить в воду.

— Вот подлецы-то, — сквозь зубы проговорил Сафронов.

— Ты погоди, я тебѣ еще пару случаев разскажу, тогда увидим, что ты скажешь. О другом случаѣ я читал года четыре тому назад, может и больше, тоже в газетах. Другая компанія скупила восемьдесят тысяч бочек яблок, (на них был плохой урожай в том году), и сорок тысяч бочек допустила (конечно с цѣлью) сгнить, а другія сорок тысяч бочек пустила на рынок по тройной цѣнѣ и, конечно, хорошо заработала: во первых, меньше рабочих требовалось на половину, помѣщеній тоже, а в третьихъ, тройная цѣна, сгребай денежки, больше никаких.

— Я что-то не слыхал об этом, — недовѣрчиво проговорил Сафронов.

— Может быть, — согласился Мотылев, — нѣт ничего удивительнаго, из нашего брата мало кто слѣдит

за такими законными злодѣйствами, а если и видит кое-что, то ничего не подѣлают, — и замѣтив его недовѣріе к себѣ, Мотылев, повысив голос, проговорил:

— Третій случай был, в нашей матушкѣ, во святой Руси. Было это лѣт двѣнадцать тому назад, может и больше. Один богач скупил в Керчи или Астрахани, не помню точно, всѣ рыбные промыслы. Как раз в тот год был небывалый улов селедок, так что же он сдѣлал? Нѣсколько милліонов селедок велѣл зарыть в землю. Выкопали большія ямы, зарыли их, но не достаточно глубоко, так что, когда онѣ начали гнить, то такая вонь пошла по всей области, что хоть святых выноси. На людей страх нашел, как бы не появилась холера. Подали жалобу, пріѣхали власти разслѣдовать, а если что, то и судить: да извѣстно, как богачи то сдѣлают, сунет барашка в бумажкѣ, и дѣлу конец. Богач-то оправдался, кажется, тѣм, что соль дорога, или во время не успѣли привезти, тѣм дѣло и кончилось, а селедки-то сразу подскочили в цѣнѣ. Которая стоила пять копеек, стала десять, а то и двѣнадцать, да так и до сей поры осталось, и год от года дорожают, а богача-то того прозвали „селедочным королем", мѣсто же гдѣ селедки закопаны — „селедочным кладбищем"! Все это надѣлало шуму на всю Россію, пошумѣли, пошумѣли да и забыли, а золотце-то рѣкой полилось этому мошеннику, который, кстати, послѣ смерти все осавил наслѣдникам... Вот они, современные короли-то какіе, — усмѣхнувшись, закончил Мотылев.

Сафронов не был расположен к смѣху, он очевидно волновался и был возмущен, его лицо обыкновенно блѣдное, было красным; он усиленно дышал,

точно послѣ быстраго бѣга, когда же начал говорить, то казалось, что он силится сказать нѣсколько слов одновременно, слова подпирали к его горлу и душили его.

— Да что-же это... Как-же так!

Да вѣдь это... это преступленіе. И такое великое преступленіе, пред которым убійства с цѣлью грабежа кажутся невинными дѣтскими игрушками... И опять, они же виноваты и в этих преступленіях!

Кто меня может заставить грабить и убивать? Если я знаю, что это плохо, — размахивая руками выкрикивал Сафронов.

— Никто, — отвѣтил он себѣ. — Но голод, голод, — это брат такая штука: он заставит и у родного отца кусок хлѣба изо рта вытащить, а не будет давать, придушишь его. Никак нельзя оправдать их! Скупит продукты, сгноит, выбросит в море, и все для того, чтоб нажить в два или три раза больше, когда кругом и всегда ходят тысячи, — да что там, сотни тысяч без работы и без куска хлѣба; принуждаемые голодом, творят всевозможныя преступленья, наполняют тюрьмы и дают работу электрическим стульям, и главные преступники, которые принудили их сдѣлать это, находятся на свободѣ. А гдѣ-же правительство, гдѣ законы? Чего они смотрят на таких выродков человѣчества...

Мотылев засмѣялся.—Ты спрашиваешь, гдѣ закон? Закон то есть, да не для всѣх одинаковый. Эх друг! Со всѣх сторон, куда бы ты ни пошел, тебя уж ждут законные грабители. И пусть хоть три части населенія вымрет, и одна останется, и пусть земля родит во сто раз больше, чѣм теперь, но если оставить такіе-же законы и порядки, то получится тот же ноль,

который мы имѣем и теперь. Ну, да нѣт времени говорить об этом...

И оба скрылись за дверьми фабрики.

В ОЖИДАНІИ ТРАМВАЯ.

Послѣ усиленнаго недѣльнаго поиска работы, послѣ изнурительных часовых ожиданій по конторам фабрик (не потому, что работы нѣт, — работы всюду довольно, но только хозяева платить не хотят, как слѣдует, и норовят нанять за безцѣнок), я рѣшил поступить на одну из фабрик за Нью Іорком.

Работа начинается в семь часов утра, и вот надо встать ранѣе пяти часов, и, как на пожар, спѣшишь на фабрику; в дорогѣ-же надо сдѣлать три пересадки на трамваях.

В первое утро, впопыхах на послѣдней пересадкѣ я вскочил не в тот трамвай, и, усѣвшись, углубился в чтеніе газеты. Минут через двадцать я замѣтил свою ошибку. Спросив кондуктора, я убѣдился, что я оставил в сторонѣ нужное мнѣ мѣстечко.

Пропал никель, — подумал я — и еще больше пропадет в работѣ. Кажется, опоздаю на час.

Я вышел из трамвая.

Солнце только что взошло. Его ослѣпительные косые лучи рѣзали глаза, и заставляли щуриться. Ярко-зеленые кусты и высокая по грудь трава окаймляли трамвайную линію. Над нею стояли большія деревья. Зелень покрывала обильная роса. Она тысячами искр сверкала на солнцѣ. Дышалось легко и было как-то весело. Казалось, пріѣхали на какой-то праздник.

Осмотрѣвшись кругом, я увидѣл молодого, лѣт двадцати-пяти, человѣка. Он сидѣл на камнѣ под деревом.

— Скажите-ка, господин, — обратился я к нему,— далеко ли тут до мѣстечка В.

— Я сам туда на работу ѣду, и вот жду трамвая,— безбожно коверкая англійскую рѣчь, дал мнѣ отвѣт незнакомец.

В этой изломанной рѣчи я уловил что-то, как бы родное или знакомое.

— А кто вы такой, русскій или поляк — спросил я.

— Я русскій, русскій, — повторил он, вставая с камня. Волынской губерніи, теперь под нѣмцем! А вы кто?

Я тоже русскій М — кой губерніи — отвѣтил я.

— Вот как! — воскликнул незнакомец. Его глаза весело блеснули, и по красивому лицу прошла добрая и привѣтливая улыбка.

— Что пишут в газетах о Россіи? — спросил он меня, жадно смотря на газету, которую я держал в рукѣ, и взгляд его скользнул к моему карману, из котораго торчала другая газета.

— Хотите, я дам вам одну, я ее уже прочитал.

— Я неграмотный, — стыдливо отвѣтил он мнѣ, опустив глаза, и когда он снова глянул мнѣ в лицо, то его взгляд словно просил меня извинить его, словно говорил, что он не виноват в этом.

Я пчуствовал невыразимую жалость к нему...

— Дерутся, брат, дерутся в нашей Россіи, — отвѣтил я.

Он как-то встрепенулся и быстро заговорил: —

«Вот я живу у поляков, так просто бѣда, прямо таки выговориться не дадут; кричат, что эти большевики хуже разбойников. Они, говорят, женщин и дѣтей маленьких рѣжут, старых беззащитных стариков бьют, всѣх, говорят, их повѣсить надо. Один говорит: я бы их всѣх колесовал, ремни бы из их шкуры выкраивал.

А я им говорю: да будет вам чепуху-то молоть. Что они не люди, что-ли, чтоб они так дѣлали? Да кто говорит-то вам все это? А они говорят: газеты пишут. А я им говорю: хоть я не читаю, да надо знать, кто газету-то пишет. Из нашего то брата там мало, а то и совсѣм нѣт, а пишут-то там — чик да брык, пан да барин, а то еще ксенз с попом на придачу...

Я весело разсмѣялся и согласился, что их здорово ксендзы туманят.

Незнакомец же продолжал:

— Ну, вот хоть теперь к примѣру взять, ну на кой черт они всѣ туда лѣзут. Смотри: итальянцы, японцы, китайцы. А англичане и французы, говорят, Москву уже забрали...

— Ну, до Москвы то им далековато оттудова, отколь они пошли. Кажется, тысяч шесть или семь верст.

Мы влѣзли в полный людьми вагон трамвая и встали на площадку.

— Сколько, сколько сот верст вы говорите?

Я повторил.

— Ого, воскликнул он, ты-ся-чь!.. Эх, хотѣл бы я...

Он не докончил и продолжал:

— Я пять лѣт здѣсь. Человѣк хуже собаки: убить, искалѣчить человѣка ни во что не считается, только бы выжать из этого деньги.

Вот теперь и с Россіей что дѣлают!

Там народ сколько милліонов в этой войнѣ положил. А за что? Вот теперь сбросил с себя всѣх, рабочій да мужик по своему хочет устроить, так куда тебѣ! Всѣ на дыбы встали. Они по старому хотят править. Какая нибудь тыща миліенеров всѣм свѣтом правит, один миліенщик двадцати миліенам разсказывает да приказывает. Шалишь, брат, послѣ этой войны сам народ должен, и будет собой править, довольно наѣздились на нас!

— Это вѣрно ты говоришь, замѣтил я, и время подвигается к этому; в Японіи тоже народ зашумѣл.

— Что, что, в Японіи говоришь? Что, там тоже революція, быстро спросил он меня.

Я разсказал ему, что знал из газет.

— Вот это хорошо, это ловко, восклицал он, и лицо его просіяло. Вездѣ должна быть революція. Эх, кабы япошки Россіи помогли, да как бы дали всѣм этим по затылку, что туда порядки-то пришли уставлять; так они бы всѣ там и остались, смѣясь закончил он.

Мнѣ надо было слѣзать. Я сердечно пожал руку этому безграмотному, но со свѣтлой головой человѣку, с'умѣвшему разобраться в безднѣ противорѣчій, в которых много и «читающей публики» барахтаются, как в грязном болотѣ.

БЕЗБОЖНИК.

Воскресенье. Было около девяти часов утра. По большому фабричному двору то и дѣло ходили рабочіе. Нѣкоторые шли за ворота на улицу, большинство же шло во двор, направляясь в глубь двора, к виднѣвшемуся двухэтажному зданію, тоже похожему на фабрику, но называвшемуся спальней. Многіе, что шли во двор, возвращались от ранней обѣдни. Они были голодны, как волки, и каждый нес какой-либо сверток или пакет, наполненный каким-либо с'ѣстным продуктом, владѣлец коего заранѣе предвкушал удовольствіе наполненія им желудка за утренним чаем.

Сегодня батюшка задержал их долѣе обыкновеннаго на цѣлых полчаса. Он говорил проповѣдь «О вредѣ соціализма», называл их волками в овечьей шкурѣ, смутьянами и бунтовщиками. В заключенье сказал, чтобы не брать и не читать никаких книг от тѣх людей, которые непочтительно выражаются о священствѣ и начальствѣ, и остерегаться тѣх людей, которые в церковь не ходят.

Под впечатлѣніем вышесказаннаго, они шли, оживленно разсуждая о только что слышанном, и, соглашаясь вполнѣ с рѣчью батюшки, у нѣкоторых срывались довольно нелестныя фразы и пожеланія по адресу соціалистов. Болѣе же торопливые или голодные уже бѣжали с кувшинами и чайниками за кипятком в кухню.

В кухнѣ около самой двери, стоял огромный куб, вдѣланный в кирпичныя стѣны. Видна была только блестящая мѣдная крышка, чуть поменьше велосипеднаго колеса. Повар, или кухарь, как его называли

рабочіе, здоровый и крѣпкій мужчина с черной окладистой бородой, в которой, точно серебряныя нитки, блестѣли сѣдые волосы. Он только что долил куб, а теперь, стоя согнувшись на колѣнях, подбрасывал дрова в небольшое отверстіе топки, прикрякивая за каждым брошенным полѣном, от неудобнаго положенія. Отверстіе топки было сдѣлано всего на одну четверть аршина от пола. Но вот, бросив послѣднее полѣно, он сплюнул в отверстіе топки и встал с колѣн, вынул из кармана засаленной куртки синій платок с бѣлыми горошенками и стал вытирать вспотѣвшее лицо.

Нѣсколько человѣк стояли около куба, ожидая когда вода в кубѣ закипит. Подросток мальчик лѣт пятнадцати, Яша (как его всѣ называли), развитой и бойкій малый, подскочил к повару, спрашивая:

— Скоро поспѣет, дядя Егор?

— Не только что поспѣл, а давно переспѣл твой дядя Егор, — отвѣтил повар.

Всѣ окружающіе дружно засмѣялись.

— Хотѣл бы я видѣть, как то ты поспѣешь, — добавил повар, набивая трубку табаком.

Яшка, замѣтив свою ошибку, покраснѣл, как рак, но не потерял духа. Он был из тѣх, что в карман за словом не лѣзут. К тому же он был мастер пѣть частушки и отчаянный плясун. Он гордился этим. Его уважали всѣ его товарищи, да и постарше его ребята считали его за равнаго себѣ. В виду всего этого он чувствовал, что он, «Яшка», осмѣян и унижен; ему хотѣлось сказать какую-нибудь колкость, чтоб противник почувствовал, как непріятно быть осмѣянным. Он тряхнул головой, сдѣлал шаг вперед и отвѣтил:

— Поживем — увидим, куда мы доѣдем; вы же

поспѣвали, а зачѣм — не знали!..

— Как это не знали, молокосос!.. Тоже учить лѣзет!..

— Да так, — задорно продолжал Яшка, — многіе старики и теперь говорят, что земля то на трех китах держится. А по нашему, так вот она как вертится... Он поставил лѣвую ногу на правую, и на правом носкѣ, как волчок, перевернулся два раза; затѣм, топнув лѣвой ногой об пол, посмотрѣл помутившимися глазами на Егора, и, ударив в дно большого жестяного чайника, точно в бубен, проговорил: видѣл?..

— Тфу, ты, пострѣл! — проворчал Егор, направляясь на другой конец кухни, гдѣ была его комната.

Кто-то крикнул: «куб поспѣл!»

Егор, нехотя, повернулся, подошел к кубу, и открыл клапан на крышѣ. Пар, с шумом и шипѣньем, вырывался из отверстія, скрываясь в огромном колпакѣ над кубом.

Рабочіе, спѣша, толкаясь, и, ругаясь, становились в очередь, подходя к крану и наполняя свои чайники и кувшины.

В кухнѣ стояло нѣсколько длинных столов, с такими же длинными скамейками; за нѣкоторыми столами, группами по два, три и четыре человѣка, сидѣли рабочіе и пили чай. От одного стола встал молодой человѣк. Он был средняго роста, с красиво закрученными темнорыжими усами, круглым лицом и сѣрыми проницательными, умными глазами. Назывался он Семен Матвѣев Аверьянов. Компаніон его по чаепитію был молодой человѣк с безусым лицом и свѣтлыми, точно льняными волосами, тоже круглолицый, с задорно вздернутым кверху носом, с ямочками на ще-

ках и подбородкѣ. Это был веселый парень. Он так заразительно мог смѣяться, а лицо его во время смѣха было такое веселое и смѣшное, с совершенно как-бы защуренными глазами, что казалось, что у него смѣется все в отдѣльности: смѣялся нос, задранный кверху, смѣялись ямочки на щеках и подбородкѣ и сам подбородок, смѣялись свѣтло-голубые глаза, открывающіеся до нормальнаго положенія, только во время передышки, когда он набирал воздух, чтобы снова разразиться, всѣх заражающим смѣхом. Назывался он Тихоном Ивановичем Рогулиным. Они называли друг друга по фамиліи.

— Так захватишь все, г. Рогулин, — обратился к нему Аверьянов, закуривая папироску.

Это относилось к чайной посудѣ, которую они приносили каждый раз из спальни.

— Слушаюсь, Ваше Превосходительство! — улыбаясь, отвѣтил Рогулин, наливая себѣ еще стакан чаю.

Аверьянов затянулся папиросой, выпустил большой клуб дыма, из котораго выдѣлилось маленькое колечко. Он, слѣдя за его полетом, не спѣша, подыскивал мѣткое выраженіе или пословицу, и найдя проговорил:

— Пусть мясники гордятся этими чинами, а мы уж проживем рабами.

— Какіе мясники? — спросил Рогулин, и в его глазах забѣгали веселые огоньки его заразительнаго смѣха. Он знал, что Аверьянов мог порой мѣтко шутить и острить.

— Да тѣ, которые учатся людей убивать, которым и принадлежит в большинствѣ случаев эти чины и титулы, — отвѣтил Аверьянов.

— Так значит, они есть. Их Мясное Превосходительство! — воскликнул Рогулин. Его глаза закрылись, лицо уморительно сморщилось от смѣха, блюдце выскользнуло из рук, чай разлился по столу, а сам он повалился на стол от смѣха, говоря прерывающимся голосом:

— Уморушки!.. Их Мясное Превосходительство!.. Ох!.. Умру!.. Уморил... Вот бы, вот бы им... — опять принимая сидячее положеніе, пробовал он говорить, положительно задыхаясь от смѣха. Он уже вообразил разныя комическія и смѣшныя сцены и никак не мог успокоиться.

Аверьянов усмѣхнулся, посмотрѣл на него снисходительно, как на школьника и повторил:

— Так ты захвати все, — и вышел из кухни.

— Захвачу, — проговорил ему вслѣд Рогулин.

Аверьянов пошел в спальню. Он помѣщался в нижнем этажѣ. Спальня представляла из себя род солдатской казармы: три ряда сплошных нар тянулись во всю длину помѣщенія. Нары были двойныя, раздѣленныя посрединѣ двумя сколоченными досками, вродѣ конька деревенской крыши. То было изголовье, на котором лежали кое-гдѣ подушки, засаленныя и лоснящіяся от грязи, гдѣ просто мѣшки, наполненные разным хламом, на иных же лежали прямо кучи тряпья. Спали они головами вмѣстѣ, получалось два ряда голов, а ногами к проходам, Под окнами стояли разные ящики, на подобіе столов, с крышками, оторванными от тѣх-же ящиков и прибитыми к какому-либо обрубку дерева. Такая же мебель была и для сидѣнья: обрубки дерева, ящики и самодѣльные козелки на подобіе скамеек.

На столах (если их можно назвать столами) видны были слѣды прежних употребленій пищи. Щели этих столов обильно были наполнены жирной грязью, в которой невозмутимо проживало царство бѣлых червячков, в изобиліи получая пищу в видѣ крошек хлѣба и разливаемых жидкостей. Но они были вѣжливы, или же боялись дневного свѣта, и только изрѣдка показывались на поверхность, да и не было нужды. Случалось, кто либо не преднамѣренно между разговором ковырнул спичкой в такой щели, то поднималась отвратитеьная вонь и показывались щелинные обитатели, а ему замѣчали:

— Ну, что ты дѣлаешь? Перестань!..

И он переставал. Щелинное царство успокаивалось, входя в обычную колею.

Теперь за этими столами сидѣли группами рабочіе, пришедшіе от обѣдни, и пили чай, угощаясь разной снѣдью; другіе же, которые не ходили в церковь, уже отпили и играли гдѣ в карты, в фильку, гдѣ в шашки, а остальные сидѣли или стояли группами, разговаривая на разныя темы.

Аверьянов, войдя в спальню, не спѣша шел по проходу, порой останавливаясь около той или другой группы, затѣм, не найдя ничего для себя интереснаго, пошел к своему мѣсту спанья, выдвинул из под нар черный дорожный сак-вояж, открыл его. Сак-вояж был полон книг и брошюрок. Он стал перебирать книги, порой задумываясь над заглавіем или любуясь им, перелистывал страницу, другую, пробѣгал глазами, закрывал, клал и брал другую. Вот знакомый Некрасов Аверьянов посмотрѣл на факсимилэ, на фотографію поэта, перевернул нѣсколько листов, присѣл на корточки

около сак-вояжа, и незамѣтно углубился в чтеніе. Прочитав нѣсколько листов, он тряхнул головой, точно соглашаясь с чѣм-то. Потом, закрыв книгу, положил ее на нары и стал закрывать сак-вояж. Но тут, немного краснѣя, подошел Яшка, говоря:

— Семен Матвѣич, дайте почитать еще какую-нибудь книжечку!

— Да у меня, кажется, ничего нѣт подходящаго-то для тебя. А ту ты прочитал? — в свою очередь спросил Аверьянов.

— Ну, да, прочитал, — отвѣтил Яша.

— А понял ли что-нибудь?

— Все понял, — отвѣтил самоувѣренно Яшка.

— А ну, разскажи, как ты понял, — улыбаясь задал вопрос Аверьянов.

Он дал ему маленькій разсказ из деревенской жизни (Семенова). Там говорилось, как один деревенскій парень, добрый, старательный и умный, но только бѣдный, полюбил одну дѣвушку из зажиточной семьи другой деревни. Однажды он возвращался со свиданья со своей возлюбленной, и нашел в полѣ цѣлую штуку ситцу. Он уже мечтал, как он подарит ее своей возлюбленной, и вдруг услыхал бѣшенную скачку и крик. Инстинктивно он спрятался за кочки в близ лежащем болотѣ. Его все-таки увидѣли, схватили. То были крестьяне из его села. Ситец этот был украден ворами у сельскаго старосты. Одну штуку ситца воры по дорогѣ потеряли. Спрашивают: гдѣ был? Куда идешь? Он не хотѣл сказать, не хотѣл надѣлать стыда своей возлюбленной. Его связали, избили и отправили в волость судить.

Да тут и разсказывать-то нечего, проговорил Яш-

ка, пропал бы человѣк ни за что, если бы не эта самая дѣвушка не постыдилась и не сказала все как было. А все это надѣлал староста, потому-что был зол на него за то, что он ему перечил и стоял за мир. Как видно, богатѣи-то больше несправедливы, нежели бѣдные, закончил Яшка.

— Вѣрно, — подтвердил Аверьянов, — они несправедливы уже тѣм, что богаты, — добавил он, открывая снова сак-вояж.

Яшка, ободренный словом «вѣрно», хотѣл продолжать разговор дальше.

— Почему? — спросил он.

— Да потому, что богатства то должны принадлежать всѣм, мы всѣ разом добываем и вырабатываем их, а не кучкѣ людей, да еще ничего не дѣлающей.

Яшка смотрѣл на Аверьянова немигающими глазами. Он в первый раз услышал такія слова, и не мог понять их.

Аверьянов нашел брошюрку «Донской Рѣчи», и, передавая ее Яшкѣ, сказал:

— Прочти вот эту.

А видя, что он на него так смотрит, добавил:

— Не бросай читать, вырастешь, будешь знать.

Он поставил сак-вояжъ под нары, взял с нар Некрасова и пошел по проходу к выходу.

Старики и богомолы искоса поглядывали на него. Они звали его, кто штундистом, кто соціалистом, а богомолы так просто безбожником, потому что он не ходил в церковь. Они его ненавидѣли, и все-таки слѣдили за каждым его дѣйствіем и поступком, а иногда даже хвалили, что он примѣрно себя ведет.

Выйдя во двор, он закурил папиросу, затянулся

и посмотрѣл вокруг. Вид не важный. Кругом забор, напротив два больших фабричных зданій. Он поднял глаза вверх. Был ясный осенній день. Осеннее силнце низко над землей совершало свой путь. По голубому небу плыли рѣдкія бѣлоснѣжныя облака с посеребрянными солнцем краями.

Хорошо, — подумал про себя Аверьянов, докурив папироску, он далеко отбросил от себя окурок, и вздохнув полной грудью, повернул за угол спальни. За мужкой спальней была женская. У него была там землячка, дѣвушка по имени Вѣра Константиновна, богомольная и религіозная на рѣдкость; но он всетаки поддерживал с ней знакомство, хотя и расходился с ней во многом. Он порой заходил к ней на чашку чаю, поговорить о том, о сем, на злобу дня. Теперь-же он шел прочитать ей кое-что из Некрасова, так как она заявила однажды: «что-ж, вы, Семен Матвѣевич, всегда читаете только для себя, прочли-бы для нас что-нибудь». И вот он собрался.

Женская спальня представляла большой контраст по сравненію с мужской. Это помѣщеніе недавно отстроилось, и, как видно, с нѣкоторым соблюденіем санитарных условій. Огромныя окна, дающія много свѣта, имѣли форточки и вентиляторы, а благодаря высотѣ зданія, было высоко и во внутреннем помѣщеніи, что обезпечивало болѣе чистый воздух. Нары здѣсь были не общія, а квадратныя на четыре особы, по два мѣста, на ту и другую сторону главнаго прохода, с проходами между нар, с совмѣстным изголовьем, как и на мужской. В средних рядах, около изголовья, стояли совмѣстные столики со шкафчиками. вѣрнѣй, шкафчиком, он был один, раздѣленный пере-

городкой по серединѣ. Каждый пользовался своей половиной стола, и его половиной шкафчика. Столики были накрыты разноцвѣтными клеенками, а иные даже скатертьями с самодѣльными кружевами. Тѣ, которые спали по боковым проходам, имѣли столики между окон в простѣнках, на которых висѣло и стояло на полочках множество разных икон, с висячими и стоячими лампадками, перед ними. На полочках лежали просфирки, поминанья и раззолоченныя пасхальныя яйца, нѣкоторыя с картиночками какого-либо святого внутри. Сами полочки были разукрашены разноцвѣтной бумажной бахрамой, с вырѣзными зубчиками и квадратиками, а нѣкоторыя и кружевами своей работы. Постели были прикрыты чистыми, из пестрых лоскутков сшитыми одѣялами. На нѣкоторых лежали по двѣ и три подушки, одна другой меньше, возвышавшихся пирамидой кверху. Всюду было чисто и уютно. Дѣвушки и женщины в свободное время (по праздникам и вечерам) сидѣли за своими столиками, а нѣкоторыя так за общим, длинным столом, стоявшим в углу, против двери, занимались рукодѣліем. Онѣ вязали кружева и чулки вышивали и шили, разсказывая разныя новости и случаи, доходя до разных небылиц, и оканчивали сказками.

Аверьянов любил провести час другой в их обществѣ. Он подсаживался к столу, облакачивался на стол и внимательно слѣдил за какой-либо работой, слушая в то же время, о чем идет разговор. Порой вставлял свое словцо, соглашаясь или опровергая, или шутил то с той, то с другой дѣвушкой. Но вот кто-либо запѣвал пѣсню. К одинокому голосу постепенно присоединялись другіе голоса, а через куплет или два

она дѣлалась хоровой. Дружно лилась пѣсня, захватывая все новые и новые голоса, отодвигая мысли и чувства в сторону, как горный поток отбрасывает или уносит разный хлам и мусор со своих берегов, неся далѣе только чистые воды. Так льется пѣсня, обнажая всю боль души, всю тоску женскаго сердца — измученнаго вѣковым страданіем и униженіем, дух захватывает перед величіем страдалицы русскаго народа!.. И хочется пасть перед ней на колѣни и сказать: Прости меня, мать!.. Прости заблудшаго сына!.. Дай мнѣ ключ той всесильной вѣры, которая хранит тебя, я пойду и расчищу твой тернистый путь к царству равенства и братства, а ты веди нас к нему и укажи нам твои великіе идеалы... Идеалы матери для своих дѣтей, и мы достигнем их!.. В такія минуты Аверьянов уходил в себя, его глаза устремлялись в пространство, через склоненныя головы дѣвушек над работой. Он ловил каждое слово, передумывал его, хотя знал его и раньше, но одинокое оно не имѣло такой силы, как здѣсь, спѣтое женской грудью; проникнутое ея чувством страданья, тоски или надежды. Оно проникало в самую глубь души, достигала самых отдаленных изгибов ея, и будило все лучшее и доброе к жизни. Аверьянов опускал глаза, скользил благодарным взглядом по склоненным лицам дѣвушек и думал: милыя вы, добрыя! Все бы, все бы я отдал, только желал бы одного, чтобы вы жили безбѣдно, не изнуренныя непосильной работой, а вот так пѣли бы и пѣли, будя в людях добрыя и святыя чувства.

Смолкала пѣсня. Дѣвушки не сразу начинали разговор, на них тоже вліяла общая гармонія с чувством спѣтой пѣсни. Но вот дѣвушки, точно пробудив-

шись, начинали перебрасываться словами и фразами. Аверьянов вставал, благодарил дѣвушек за пѣсню и, прощаясь, уходил. Онѣ просили его посидѣть еще и разсказать что-нибудь. Но рѣдко когда он оставался. Он знал, что послѣ пѣсни опять будут разговоры и шутки, и впечатлѣніе пѣсни испарится. А для него оно было чѣм-то святым, чего он и сам не мог об'яснить себѣ, и он старался продлить это чувство и уходил. Он уходил куда-либо в уединенный уголок, или в безлюдныя улицы, гдѣ порой он останавливался перед домами, точно их видѣл в первый раз. О чем он думал в такія минуты, навряд-ли он бы и сам мог отвѣтить. Быть может, он искал разрѣшенія неразрѣшенных им вопросов; быть может он молился какому-либо одному ему вѣданному богу, но только он возвращался всегда умиротворенный и вдохновленный какой-то невѣдомой силой. Аверьянов, войдя в спальню, почтительно снял фуражку и, улыбнувшись, проговорил: Мир вам, русскія гражданки!

— Здравствуйте, Семен Матвѣевич! — отвѣтили дѣвушки. — Вы как булдахтер, с книжкой-то ходите. — проговорила красивая и стройная дѣвушка Катя.

— Булдахтер не булдахтер, а на старшаго дворника похож, когда он идет в участок паспорта прописывать, — отвѣтил Аверьянов, не поправляя ея ошибки.

Дѣвушки весело засмѣялись рѣзкому сравненію, а он спросил: «Что, дома Вѣра Константиновна?» — ни к кому в сущности не обращаясь, а спрашивая как бы всѣх.

— Дома, отвѣтила Катя, шутя, и капризно надувая губки, — только к своей землячкѣ и ходите, а

не к нам, — проговорила она обиженно.

Аверьянов покраснѣл. Он был застѣнчив с женщинами, а с дѣвушками в особенности.

— Что вы, Катя! — отвѣтил он, — я не дѣлаю никакого различія... Гдѣ найдется пріятная компанія и не чуждаются меня, там и провожу время.

— Знаем, знаем, — бросив лукавый взглд, проговорила Катя, тѣшась его стыдливостью, и добавила:

— Идите, идите, она только что пришла из церкви.

Аверьянов повернул налѣво и пошел по проходу, около окон. Он подошел к одному столику, за которым сидѣли три женщины и пили чай.

— Чай да сахар вашей милости! — проговорил Аверьянов.

— Просим милости, — отвѣтили онѣ в один голос.

Вѣра Константиновна, высокая женщина лѣт двадцати восьми — встав с табуретки и подавая руку Аверьянову, проговорила:

— Здравствуйте, Семен Матвѣевич! Садитесь с нами чаевничать!..

— Блаодарю вас, только что былое дѣло, — отвѣтил Аверьянов, садясь на принесенную им табуретку от другого стола.

— Чай на чай то ничего, а палка на палку то плохо, — сострила старушка в очках и добавила:

— Прости ты меня Господи грѣшницу.

Аверьянов посмотрѣл на старушку, улыбнувшись чему-то. Быть может он улыбнулся своей мысли с какою он рѣшил зайти к ним сегодня. Она заключалась в слѣдующем. Болѣе года он был знаком с этой ста-

рушкой, блаодаря тому, что она была компаніонкой по чаепитію Вѣры Константиновны.

Часто за́ чаем разговаривая о том о сем, ему приходилось диспутировать с ней о разных вопросах, но больше всего на религіозную тему.

До сего времени она была, так сказать, побѣдительницей, «вѣрней-же, — Аверьянов уступал ей», теперь-же он рѣшил, что довольно, и хотѣл дать ей полное сраженіе. Старушка наливала чай на блюдцѣ. Она была чистенькая и опрятная, повязанная черным платочком с красными и синими цвѣточками по краям. Лицо ея, изборожденное морщинами, дышало каким-то внутренним покоем и укладом. Ея ровныя и спокойныя движенія тоже подтверждали это, как бы говоря: у нас все так уложилось и примирилось с собой, что нам ничего больше не надо от сей жизни, развѣ от загробной... Ну, так мы для этого и стараемся.

Звали ее Агафья Ивановна. На фабрикѣ она работает уже двадцать пять лѣт, любила порой разсказывать, как теперешній хозяин, нѣмец, пріѣхал из заграницы двадцать шесть лѣт назад, в башмаках с деревянными подошвами, поставил пять ткацких станков, затѣм все больше и больше, а теперь у него триста пятьдесят, и он милліонщик, — заканчивает она с гордостью, как бы была его компаніонкой. Прошлый мѣсяц хозяин ассигновал ей пожизненную пенсію в размѣрѣ ея жалованья. Жалованья же она получала двѣнадцать рублей в мѣсяц на хозяйских харчах; а так как она еще продолжала работать, то получала разом двадцать четыре рубля в мѣсяц.

Другая же старушка была сѣренькая, незамѣтная, таких людей порой называют «некудышные». Онѣ

пьют, ѣдят, работают, говорят вмѣстѣ с вами, но как отошел от такого человѣка, то и забыл о нем, точно его и не было. Она пила тихонько чай и ѣла, размачивая сухіе баранки.

— Какую это вы книгу принесли, Семен Матвѣевич — спросила Вѣра Константиновна, доливая кипятком стакан чаю из бѣлаго эмалированнаго чайника.

— Я хочу вам прочитать кое-что из стихов, сочиненія Некрасова, а то вы все обижаетесь, что я только для себя читаю, — отвѣтил Аверьянов.

— Ну, да, для себя, только бы сами все знали, а с нами подѣлиться не хотите, — улыбаясь закончила Вѣра Константиновна.

— Что, вы, что вы, Вѣра Константиновна! — торопливо заговорил Аверьянов. Совершенно напротив, смѣю вас увѣрить, да мнѣ грудь распирает, сказать по правдѣ, когда я прочту что либо такое, хватающее за душу, тогда мнѣ хочется кричать и разсказать каждому встрѣчному и поперечному.

— Успокойтесь, Семен Матвѣевич, я только пошутила, — сказала Вѣра Константиновна, а обращаясь к старушкам и глядя на Агафью Ивановну проговорила: уж так он любит читать, так любит... я и не знаю.

— Да-а, протянула Агафья Ивановна.

— Страсть, — продолжала Вѣра Константиновна.

— Знаете ли, Агафья Ивановна...

— Ну, — отозвалася та.

— Мы работали в... (тут она назвала город), так вот он там брал книги из земской библіотеки. А рабочіе там спали все в фабрикѣ, под своими стан-

ками. Так вот он там, — усмѣхнувшись продолжала она, — читал ночью, лежа под своим станком. Это мы подглядывали. Сколько раз порой пугали его, и как бы оправдываясь на строгій взгляд старушки, покраснѣв, торопливо продолжала, — мы подглядывали то потому, что у него была гармошка, а нам хотѣлось, чтоб он вышел и поиграл нам.

— И вы то хороши были! Палка плакала по вас, — тихим, нраво-учительным тоном проговорила Агафья Ивановна.

Вѣра Константиновна чуть покраснѣла, и как бы не слыша, продолжала:

— Так вот он читает, читает да и заснет, а лампа то и горит до самаго утра.

— Нехорошо, — замѣтила Агафья Ивановна, — этак он и пожар мог сдѣлать.

— А то еще что! — продолжала Вѣра Константиновна, — один раз хозяин увидѣл свѣт в фабрикѣ, посылает дворника узнать, что там. Дворник пришел, увидѣл — он читает. Сказал хозяину, — и она засмѣялась. — На утро молодчика в контору. Хозяин хорошо проругал его и сказал, что если повторится еще раз, то или штраф получит или расчет... Что, неправда, скажешь? — смѣясь обратилась она к Аверьянову.

— Я ничего не говорю, — отвѣтил он, немного краснѣя.

— И что же вы думаете, он не унялся таки. Послѣ этого, — смѣясь продолжала Вѣра Константиновна, — стал дѣлать так: одѣялом заслонит окно, чтобы свѣт на улицу не выходил, а в пальто и сапогах ложится и читает. Это нам его сосѣди разсказывали, — за-

кончила она, весело смѣясь.

Аверьянов чувствовал себя неловко, покраснѣл, как школьник, пойманный на мѣстѣ преступленія.

А Агафья Ивановна проговорила: «Не хорошо, не хорошо, вы еще молодой человѣк», а наливая чай из чашки на блюдце, добавила: «Этак вы чего добраго дочитаетесь, что и ума лишитесь», — закончила она.

— Ну, этого то я не боюсь, — возразил Аверьянов, — я имѣю крѣпкую голову, мнѣ хочется все знать, а если я ничего не читаю, то чувствую, что я хожу точно в потемках.

— Вот видите, Агафья Ивановна, ни за что не оттащите его от книг, — проговорила Вѣра Константиновна, растянуто проговорив слово «ни-за-что». Зато он хорошо читает, как говорит, обратилась она снова к Агафьѣ Ивановнѣ. А обращаясь к Аверьянову, проговорила: не прочтете ли нам вот этот листочек? Мы были у обѣдни то с Агафьей Ивановной у Пантелеймона, так оттуда и принесли.

Она потянулась за листком, который лежал на столѣ около Агафьи Ивановны, на котором до сей поры покоилась просфирка, стоя на самом лицѣ изображенья Иверской Божьей Матери. Агафья Ивановна благоговѣйно взяла просфирку с листка, и, протягивая ее Вѣрѣ Константиновнѣ, проговорила:

— Константиновна, ты побольше меня, поставь ее, пожалуйста, на полочку около Николая Угодника.

Вѣра Константиновна поставила просфирку, а садясь на табуретку, протянула листок Аверьянову, говоря:

— Прочтите нам, Семен Матвѣевич!

Аверьянов покраснѣл. Укоризненно и строго посмотрѣл на Вѣру Константиновну. А она, взглянув на него, тоже сконфузилась и опустила руку на колѣни. Потом, обращаясь к Агафьѣ Ивановнѣ, как бы стыдясь проговорила:

— Вот только он не любит читать ничего божественнаго.

Агафья Ивановна вскинула глазами на Аверьянова, и поправив очки на носу, проговорила:

— Что-ж вы, молодой человѣк, нехристь, какой, что-ли?

Аверьянов ничего не отвѣтил; слегка поблѣднѣв, глубоко вздохнул и уткнул свой взгляд в стоявшій перед ним стакан чаю.

— А в церковь то вы ходите? — допрашивала Агафья Ивановна.

Аверьянов отвѣтил не сразу. Густо покраснѣв, он нервно поправился на табуреткѣ, и выпив глоток чаю из остывшаго стакана, пристально посмотрѣл на Агафью Ивановну и протяжно сказал:

— Да-а, я не хожу в церковь!..

Вѣра Константиновна низко наклонилась над чашкой чаю, точно рзасматривала какую-то интересную панораму на днѣ чашки. Агафья Ивановна, сняв очки с носа, протирала их своим фартуком. Аверьянов же взял стакан в руку и пил большими глотками совершенно холодный чай.

Агафья Ивановна, вытерев очки, и перед тѣм, как водрузить их на свое обычное мѣсто, посмотрѣла на Аверьянова сѣренькими, выцвѣтившими глазами, точно желая разсмотрѣть его без очков, тогда как она лучше видѣла в очках. Кладя очки на нос и заложив

проволочки за уши, она проговорила:

— Так вот вы какой!..

Аверьянов сидѣл спокойно. Он было достал папиросу, желая закурить, но раздумал и положил обратно.

Агафья Ивановна, откашлянувшись и вздрогнув какой-то внутренней дрожью, быть может перед тѣм великим вопросом, какой хотѣла задать, проговорила:

— Так может быть, вы уж и бога то не признаете?

Аверьянов встал, прошел два-три шага по проходу, и вернувшись, сѣл на свое мѣсто. Откашлянувшись устремил проницательный, почти строгій взгляд на Агафью Ивановну, проговорил:

— Вы, уважаемая Агафья Ивановна, затрагиваете самые великіе вопросы, и я от чистаго сердца постараюсь растолковать и об'яснить мое понятіе о богѣ и религіи, и почему я в церковь не хожу. А вы тогда можете судить, — продолжал он, — прав я или нѣт. Быть может, я во время рѣчи опущу что из виду, то вы, уважаемая Агафья Ивановна, и вы, Вѣра Константиновна, можете задать тот или другой вопрос.

— Хорошо, — отвѣтила послѣдняя, — и обращаясь к Агафьѣ Ивановнѣ добавила, улыбаясь, — быть может мы с вами, Агафья Ивановна, сдѣлаем его богомольным.

— На то божья воля, — отвѣтила Агафья Ивановна, и обращаясь к Аверьянову сказала:

— Ну, так скажите нам, почему вы перестали ходить в церковь?

Аверьянов откашлянув, сказал:

— Перестал ходить я в церковь уже семь лѣт.

— Господи Іисусе Христе, — проговорила Агафья

Ивановна, со страхом взглянув на Аверьянова.

— Было же это так, — продолжал он. — Я замѣтил один раз, по окончаніи службы, когда люди прикладываются к кресту, то вы знаете, какая получается тѣснота и давка, каждый спѣшит поскорѣй приложиться и выйти на улицу. Я уже был около священника, — продолжал Аверьянов, и уже вытянул губы поцѣловать крест, но батюшка, подняв высоко крест над моей головой, протянул его через мою голову, как я послѣ разсмотрѣл, трем богачам этого прихода; меня же, задержавшагося около батюшки, толпа чуть не сбил с ног. Я вышел, не приложась к кресту, и был злой на людей и на священника. Домой пошел я один, не дожидаясь товарищей, — продолжал Аверьянов. Я чувствовал какую-то обиду и несправедливость, причиненную мнѣ. Боясь осуждать батюшку, я все-таки не переставал думать об этом. Я стал припоминать другіе случаи, припомнил, как одного мальчика чуть не задавили в нашем селѣ из-за семьи богача Агѣева, перевшагося цѣлой семьей, состоящей из семи-восьми человѣк, ко кресту. Мальчик задержался по винѣ батюшки, как и я, и был порядочно потоптан сбившей его толпой. — Аверьянов остановился и вздохнул.

Агафья Ивановна проговорила:

— Ты очень гордый или самолюбивый.

Аверьянов-же отвѣтил:

— Быть может и то и другое вмѣстѣ, но это нисколько не измѣняет положенія дѣла о справедливости. Короче говоря, я признал батюшку виновным, и что для него в церкви люди не всѣ равны, а он смотрит только на кошелек, — закончил Аверьянов.

Вѣра Константиновна как бы подпрыгнула на табуреткѣ, точно что-то обожгло ее, и вопросительно посмотрѣла на Агафью Ивановну.

Агафья Ивановна, переворачивая чашку вверх дном торопливо проговорила:

— Вот тут то ты и согрѣшил. Развѣ ты не знаешь, как Христос то сказал: не осуждай и не осужден будеши (растянув слово «будеши»), — продолжала она. А батюшка то, ежели и согрѣшил, так с него и спросится, да... еще в д-во-е, как писанье говорит, а ты бы богу то молиться ходил да ходил, тебѣ бы вдвое зачлось бы там. Она торжественно подняла руку вверх с вытянутым указательным пальцем.

Вѣра Константиновна смотрѣла торжествующим взглядом на Аверьянова.

Что вы скажете, Семен Матвѣевич! — проговорила она. — Вот она у нас какая, Агафья то Ивановна, — и с гордостью посмотрѣла на старушку, а она, довольная своим отвѣтом, и польщенная похвалй Вѣры Константиновны, вопросительно, почти торжествующе смотрѣла на Аверьянова.

Аверьянов встал и прошелся по проходу, а Вѣра Константиновна замѣтила ему, улыбаясь:

— Да вы не убѣгайте, Семен Матвѣевич!

Аверьянов быстро повернулся, и улыбаясь, подошел к столу, и встав против Вѣры Константиновны, проговорил:

— Но нѣт, довольно я уступал, и теперь я желаю оставить побѣду за мной, — твердо проговорил Аверьянов.

— Только не на этот раз, — возразила Вѣра Константиновна. — Правда? — обратилась она к

Агафьѣ Ивановнѣ.

— Увидим, — сказала послѣдняя. — Ну, говорите, — обратилась она к Аверьянову.

Аверьянов, садясь на табуретку, проговорил:

— Вы, уважаемая Агафья Ивановна, сослались на Евангеліе, хотя я и не силен в нем, но постараюсь указать вам, что говорится в другом мѣстѣ, тоже там. Там говорится: если человѣк поступает несправедливо, то пойди и скажи ему; если он не послушает, то возьми еще человѣка и снова скажи, ежели и опять не послушал, возьми третьяго и еще скажи ему, чтоб он устыдился, и ежели не подѣйствует, то скажи во всеулсышаніе, чтоб каждый знал каков он есть. Но я не дѣлал этого и не желаю, в виду того, что он сам хорошо знает эти слова, а поступает иначе. Значить он — волк в овечьей шукрѣ, как сказал тот же Христос, — закончил Аверьянов.

— Другой вопрос: почему я не молюсь? Да, я желал бы знать, кто мнѣ скажет и доподлинно доведет, что всѣ эти молитвы и вся церковная служба, тянущаяся по нѣсколько часов, составленная такими же людьми, как и мы с вами, только в ризах, митрах и монашеских клобуках, есть пріятна богу. Быть может, она ему противна, как нам противно что-либо очень сладкое...

Аверьянов встал, снова вынул папиросы и опять положил в карман.

Сѣренькая старушка с ужасом взглянула на Аверьянова и, шепча губами: «Господи Іисусе Христе, помилуй нас грѣшных» — пошла куда-то в другое мѣсто.

Агафья Ивановна сидѣла не шевелясь, как бы застывшая, и слѣдила за движеніями Аверьянова. Вѣ-

ра Константиновна с широко открытыми глазами, в которых был виден один безпредѣльный ужас, не мигая, смотрѣла на Аверьянова.

Аверьянов сѣл теперь на мѣсто ушедшей старушки и заговорил:

— Раз мы признаем, что он Всемогущій, что он Вездѣсущій и Всевѣдущій, сотворившій землю и нас, и все, что мы видим, то может-ли такой властелин нуждаться в наших молитвах, тѣм болѣе лепетѣ нашего ничтожнаго языка, чтоб славил его, и просил у него. Да он на милліоны и милліарды лѣт заранѣе должен знать, кто гдѣ будет жить, в чем нуждаться, и раз он нас сотворил, то должен и дать то, в чем мы нуждаемся. Наши молитвы и пресмыканья только могут вселить отвращенье к нам же, как сильнаго к слабому. Ну, допустим, что он принимал бы наши молитвы, допустим, что онѣ пріятны ему, так это только бы показало, что он такой же самолюбец, как и мы, а раз самолюбец, то и горд, потому что любит, чтоб ему кланялись, так какой же это бог, позвольте вас спросить, — воскликнул Аверьянов, быстро отодвинувшись от стола, разом с табуреткой, точно сторонясь невидимаго бога. только что обрисованнаго им.

Агафья Ивановна с дрожью в голосѣ проговорила, не зная что сказать:

— Не то, не то...

Ее уже страшила мысль, как далеко она зашла в спор и каких непоправимых грѣхов надѣлала этим. Посмотрѣв кругом на молча слушавших дѣвушек, сидѣвших за своими столиками, и на нарах, она не хотѣла уронить своего достоинства и уваженія. Ея мысль усиленно работала, ища отвѣта. И вот спаси-

тельная мысль осѣнила ее. Дрожащим и возвышенным голосом она воскликнула:

— За грѣхи, за грѣхи! Мы должны молиться за наши собственныя грѣхи и за весь мір!..

Она ободрилась собственными словами, как бы почувствовав почву под ногами; побѣдоносно посмотрѣла на Аверьянова, перевела взгляд на Вѣру Константиновну, и через очки посмотрѣла на окружающих.

Вѣра Константиновна слабо улыбнулась, как утопающій, почувствовавшій почву под ногами.

Слушающія женщины свободно вздохнули, точно камень свалился с груди.

Аверьянов, вынув платок, обтер, немного вспотѣвшее лицо и, придвинув быстро табуретку к столу, проговорил:

— Ну, уважаемыя Агафья Ивановна и Вѣра Константиновна, теперь у нас с вами будет послѣдній рѣшительный бой, или вѣрнѣе, я вырву у вас послѣднюю доску опоры, на которой вы стоите.

Сказав это, Аверьянов посмотрѣл на них. Какой то безотчетный и безпомощный страх тѣнью проскользнул по их лицам, и застыл в немигающих глазах, устремленных на Аверьянова. Он же, замѣтив это, поспѣшил успокоить их, говоря:

— Но не думайте, что я вырвав вашу подпору не дам вам ничего. Нѣт ничего хуже и ужаснѣй, как ни во что не вѣрить. Теперь-же, — продолжал он, — мы разберем, а вѣрнѣй, так разсортируем, откуда и какіе грѣхи у нас, и кто виноват в этом: виноваты ли мы сами или кто-либо другой, так сказать, найдем корень грѣха, гдѣ он зарождается.

— Трудненько это будет, — замѣтила Агафья Ивановна.

— Да, не легко, — согласился Аверьянов. — Да без труда не вынешь и рыбку из пруда, говорит пословица, и вѣрно, мы затронули такіе вопросы, что голова трещит, — закончил он. — Ну, а теперь начнем, о наибольшем грѣхѣ спрошу я вас сам. Людей вы, Агафья Ивановна, не убивали?

Старушка вздогнула, точно от неожиданнаго укола иголки. Мелкая дрожь пробѣжала по всему ея тѣлу и выступила на руках. Она строго посмотрѣла на Аверьянова, и дрогнувшим голосом проговорила:

— Что вы, что вы, Господь с вами; да я не только человѣка, но и букашку, тварь, и ту страшно жалѣю убить.

— Простите меня, Агафья Ивановна, я не хотѣл вас обидѣть или оскорбить, а так, к слову пришлось, — извинялся Аверьянов.

— Ничего, ничего, — проговорила Агафья Ивановна.

Какая то безотчетная надежда зародилась в ней на хорошее окончаніе всѣх этих потрясающих вопросов в их спорѣ, и она сказала: говорите.

— Теперь спрашивайте вы, а я постараюсь найти начало грѣха, — сказал Аверьянов.

— Об'ясните нам этот грѣх «не укради», как говорит заповѣдь, улыбнувшись сказала Вѣра Константиновна, и добавила: вот порок-то.

— Да, да, да! — послышались голоса с сосѣдних столиков и нар, а красавица Катя проговорила:

— Его послушаешь, или до раю дойдешь или в

ад попадешь.

— Ну, такой красавицѣ и в аду не плохо бы было, всѣ тамошніе хозяева ухаживали бы за вами, — сострил Аверьянов.

Взрыв смѣха прокатился по спальнѣ. Между смѣхом вырывались фразы:

— Хороши хозяева, да и поклонники тоже!

Аверьянов же, обратясь к Вѣрѣ Константиновнѣ, сказал:

— Так вы желаете об'яснить себѣ этот грѣх? Удачный грѣх вы выбрали, скажу я вам. Он есть разсадник почти всѣх послѣдующих грѣхов, так или иначе связанных с ним. Допустим, что вы украли деньги у бѣднаго или богатаго, это не дѣлает разницы, и вы, конечно, считаете, что вы сдѣлали грѣх?

— Ну, конечно, это ясно, как день, без всяких об'ясненій проговорила Вѣра Константиновна.

— Хорошо, — согласился Аверьянов, — теперь разсмотрим, что вас заставило украсть? Нужда и бѣдность, — отвѣчу я за вас.

Вѣра Константиновна кивнула головой.

— Дальше. Но вы были работницей какого либо хозяина, и он, чтоб разбогатѣть поскорѣй, не доплатил вам вашего жалованья.

— Да он заплатил мнѣ все, — возразила Вѣра Константиновна.

— Он вам заплатил столько, чтобы вы не умерли с голоду, когда работали у него, а весь барыш от вашей работы положил себѣ в карман, с чего и составляется его богатство. Так видите теперь, кто первый был вор? Ваш хозяин, не отдав вам всей (не только всей, а третьей части) заработанной платы, он

обокрал вас, этим самым ввергнул вас в бѣднось, а когда вы дойдете до безвыходнаго положенія, то будете способны на все. Вы только подумайте о человѣкѣ, лишенном работы, неимѣющем ни крова, ни пищи и без гроша в карманѣ, на что он способен. Нѣкоторые идут грабить и убивать, другіе убивают себя, третьи дѣлают разныя подлости, чтоб только не умереть с голоду. Женщины идут на улицы и в распутные дома продавать себя, да мало ли всевозможных вопіющих грѣхов найдется, и все это породило воровство хозяина.

— Все это — ужасная правда, — сказала Агафья Ивановна, но хозяин то не виноват, что он не имѣет для всѣх работы.

— Именно он то и виноват, и всѣ хозяева вмѣстѣ взятые, — возразил Аверьянов. — Они заставляют одних работать день и ночь или по двѣнадцати и пятнадати часов в сутки, а других выбрасывают на улицы, чтобы они, наголодавшись и нахолодавшись, пришли у него просить работы, тогда он выбрасывает тѣх, кто работал, и берет изголодавшихся и платит им сколько хочет, вѣрнѣе сказать, ворует сколько вздумает.

— Боже мой! Боже мой! — точно простонала Агафья Ивановна, — все это правда, гдѣ же дорога то? Куда же идти то?

— Я показал вам корень зла, — сказал Аверьянов — теперь же, уважаемая противница, я покажу вам мою вѣру и моего бога.

— Мой бог, — начал он, — есть правда и любовь к ближнему, а вѣра основывается на одной заповѣди: «не дѣлай того ближнему, чего себѣ не желаешь».

Коль скоро мы будем исполнять эту заповѣдь и слушаться этого бога, то зло само собой должно прекратиться, а царство божіе воцарится на землѣ. А если есть рай, о котором вы так заботитесь, — обратился он к Агафьѣ Ивановнѣ, — мы, живя здѣсь не ду́рно, когда умрем, то переселимся еще в лучшій мір.

— И так, вы не считаете никаких грѣхов за собой? — спросила Аверьянова Вѣра Константиновна.

— Нѣт, — твердо отвѣтил Аверьянов, — за исключеніем ничего не значущих и не приносящих вреда ближним, а скорѣй самому себѣ. Так всевѣдающій бог знает из какого матеріала я сотворен, а если есть какіе нибудь недостатки и грѣшки, то должен простить их, так как Он видѣл мое старанье жить по правдѣ.

— И вы думаете, что когда умрете, то попадете в рай? — в свою очередь спросила Агафья Ивановна.

— Да я же вам сказал! — воскликнул Аверьянов, — что иначе быть не может. Всѣ эти грѣхи принудили нас сдѣлать богачи, они и виновны во всем, а я и вы, и всѣ вообще бѣдные, живущіе своим трудом, без всяких молитв и пресмыкательств, только живя по правдѣ и любви к ближнему, попадем в рай, и живя так, — продолжал Аверьянов, — мы сплотимся в одну большую любящую семью, гдѣ не будет мѣста насильникам, и они растворятся и уничтожатся в великом океанѣ человѣческой любви. Люди перестанут считать —это твое, а это мое, все будет у нас общее, и каждый будет имѣть все в достаткѣ, и рай земной настанет на землѣ.

— Так будем же дружно жить и работать словом и дѣлом! — воскликнул Аверьянов. — для этих двух раев, на землѣ и на небѣ, забудем всѣ мелкія обиды

друг против друга, и выступим всѣ дружной ратью, вооруженные правдой и любовью к ближнему против общаго врага, хозяина и капитала, этих воров и грабителей, на законном основаніи.

— Я первый! — воскликнул Аверьянов. Глаза его горѣли. Казалось, искры сыпались из них. — Протягиваю руку вам, Агафья Ивановна и Вѣра Константиновна, прошу простить меня. Быть может, я сам того не замѣчая, когда либо обидѣл вас, или в сегодняшнем спорѣ оскорбил.

Он встал и протянул руку Агафьѣ Ивановнѣ. Старушка улыбалась счастливой улыбкой, ея лицо точно сіяло, в глазах блестѣли слезы. Она поднесла было угол фартука оттереть их, но, замѣтив протянутую руку Аверьянова, поспѣшно встала, как позволяли ей на то ея лѣта, и взяв его руку, потянула к себѣ, говоря:

— Подойти сын мой, я поцѣлую тебя, ты указал нам ту справедливую дорогу и твоего справедливаго бога, каким он и должен быть. — И она поцѣловала его в лоб, уронив на его щеку слезу.

Аверьянов быстро отвернулся к простѣнку, вынул платок, как бы вытереть эту слезу, а по пути вытер и свои собственныя...

Раздался фабричный звонок, призывающій к обѣду. Аверьянов взял с нар Некрасова, гдѣ он лежал все время, и проговорил:

— Ну, а теперь надо идти на обѣд, книжку почитаем когла либо в другой раз, — добавил он. И пожелав всѣм пріятнаго аппетита, пошел к выходу. Вслѣд ему слышались голоса, приглашающіе его приходить почаще.

— Спасибо, спасибо, ваш гость, — закончил Аверьянов, и вышел из спальни.

ОПОЗДАЛ

Точно кѣм-то сброшенный, соскочил Костерев с кровати на холодный пол босыми ногами, и мелкая дрожь пробѣжала по всему тѣлу.

Нащупал спичку, зажег газ и выругался:

— А, — черт!..

— Что? — полусонная, спросила жена.

— Что, что? — передразнил ее Костерев: проспал — вот что!

Жена торопливо встала; в одной рубашкѣ, ежась от холода, прошла в кухню, шлепая босыми ногами. Спѣшно умывшись и пригладив, на угад, руками торчавшіе во всѣ стороны волосы, Костерев сѣл к столу. Жена поставила перед ним стакан разогрѣтаго кофе и успокоительно замѣтила:

— Ты только десять минут опоздал, может поспѣешь во время.

— Во время! — с раздраженіем повторил Костерев. — Говорил-же я тебѣ вчера, что из-за порчи трамвая опоздал на цѣлый час... Ничего не сказали, но, довольно, как посмотрѣл на меня директор!.. А, если и сегодня опоздаю?..

Кое-как допив кофе, Костерев стал торопливо одѣваться. Жена с сожалѣніем посмотрѣла на нетронутую яичницу.

— Шла-бы ты скорѣй в постель, а то простудишь-

ся, — бросил Костерев, мелько глянув на жену и исчез в темнотѣ за дверью.

Был ноябрь. Темно, сыро и непривѣтливо выглядѣло все окружающее.

Костерев почти бѣгом шел вдоль улицы. Жужжанье и грохот приближающагося трамвая властно нарушил тишину мѣстечка. Костерев, как вихрь, сорвался с мѣста. Из-за угла показался трамвай и, обогнув послѣдній, уже пошел полным ходом, когда Костерев догнал его и уцѣпился за ручку вагона, а потом, пробѣжав рядом с ним три-четыре шага, подпрыгнул и встал на подножку.

— Поймал за хвост, — замѣтил смѣясь кондуктор.

— Да-а, — тяжело дыша и отдуваясь, отвѣтил Костерев. «Хорошо, что догнал — теперь не опоздаю», с облегченіем подумал он, усаживаясь на мѣсто. Он блуждающим взглядом скользнул по пестрым об'явленіям на стѣнках вагона; всѣ они были читаны и перечитаны несчетное число раз, в продолженіе двухчасовой ѣзды утром и вечером, и надоѣли до тошноты. Он перевел взгляд на электрическія лампочки, ярко горѣвшія под потолком, и долго, задумчиво смотрѣл на них, не мигая, в то время, как безпокойныя мысли роились в головѣ.

«Вчера ничего не сказал... а сегодня то навѣрное выругает, если опоздаю», — думал он. «Еще хуже чего не вышло бы... людей-то сколько без работы ходит — ужас»...

Вдруг огонь погас. Трамвай стал. Вагоновожатый, проходя на другой конец вагона, проговорил:

— Должно быть опять по вчерашнему...

— Вот тебѣ на! — опять тоже самое. Ах, черт-бы вас побрал! — сердито выругался Костерев, нетерпѣливо ерзая на своем мѣстѣ.

Послѣ нѣскольких минут ожиданія он не выдержал и, злостно выругавшись, вышел из вагона.

Кондуктора, весело смѣясь, курили и о чем-то беззаботно разговаривали.

— Ну и что-же, господа? — что случилось? Скоро поѣдем? — спрашивал Костерев, невольно раздражаясь за их равнодушіе.

— А вот часок-другой отдохнем, тогда и поѣдем, — смѣясь отвѣтил кондуктор. — Вѣдь и трамваю-то отдохнуть надо... День и ночь возит, и никаких праздников, — сам небось, понимаешь, — насмѣшливо добавил вагоновожатый, и они дружно засмѣялись.

«Что-же, опоздал я не по своей винѣ», утѣшал себя Костерев, закуривая и возвращаясь в вагон. «Работник я хорошій — это они цѣнят, значит и опасаться нечего... Ну, вычтут за два-три часа. Не бог вѣсть какая потеря....

***

Пріѣхал Костерев с опозданіем на два часа. Торопливо, почти бѣгом прошел длинный корридор; ступая через двѣ, три ступеньки, влетѣл на лѣстницу перваго этажа.

Войдя в мастерскую, он быстро шел по проходу, ловко лавируя между машинами, столбами, подпиравшими потолок и какими-то ящиками, стоявшими на полу.

Еще издали он замѣтил, что «его» машина работает. «Уже свершилось!..» скорѣй почувствовал, чѣм

подумал Костерев, и все закружилось пред его глазами. Кровь бросилась в лицо, в висках застучало... В головѣ, точно вихрем гонимые, крутясь и обгоняя друг друга, понеслись отдѣльные обрывки мыслей и негодующих слов. Но громче всѣх, словно колокол в бурю, ясно звучало над ухом слово: »выброшен, выброшен, выброшен»...

«Ах, подлецы, — думал Костерев, — уже двадцать лѣт работаю на фабриках... Всюду ждут полдня и день... Развѣ спѣшный заказ. Здѣсь же нѣт его.... Негодяи!»

Он быстро прошел в простанок (проход между машинами) и, повѣсив одежду на гвоздь, вбитый в стѣну, сдерживая себя, поздоровался с рабочим. Тот отвѣтил, прибавив:

— Это ваша машина?

— Да, это моя машина. Только недѣля, как заправил ее... Знаете, возился три дня с заправкой А хозяин ничего не хотѣл уплатить... говорит: «для себя заправляешь»... С трудом выколотил у него за полдня. А перед тѣм матерьялу ждал три недѣли. Вот как здѣсь, — закончил Костерев и подумал: «Зачѣм я говорю все это? Он все равно ничему не поможет!»

— Я ничего не знаю, — смущенно отвѣтил конкурент.

— Да, я знаю, что вы тут не причем, — согласился Костерев и пошел искать мастера.

Послѣднiй уже замѣтил Костерева и быстро шел по проходу ему навстрѣчу; не доходя три-четыре шага, он порывисто проговорил:

— Иди к директору, — он хочет с тобой говорить.

Костерев намѣревался что-то сказать, но только

дрогнули его брови и, до боли стиснув зубы, он круто повернул и пошел в контору.

Директора еще не было. По заведенному порядку он обходил всѣ этажи, провѣряя, кто не явился на работу. Стоя в ожиданіи, Костерев почувствовал, что у него дрожат ноги. «Что это? Болен или трушу? — подумал Костерев. — Чорт знает что. Нѣт, не на таковскаго напали!..»

Скрипнула лѣстница; показался болѣзненно-худой человѣк в потрепанном пальтишкѣ и таких-же брюках; весь он выглядѣл, словно только-что выкопанный из мусора на какой-либо свалкѣ.

«Еще конкурент, — подумал Костерев, внимательно осматривая его, — как видно давно уже без реботы ходит»...

Тѣм временем «конкурент» робко прошел вперед и стал на видном мѣстѣ.

«Должно быть и квартиры-то уже не имѣет и спит гдѣ попало... Эх, бѣдняга!..»

Появленіе директора прервало размышленіе Костерева.

— С доб... с добрым утром, — срывающимся голосом проговорил Костерев, у котораго сразу пересохло в горлѣ.

Будто не замѣчая его и не отвѣчая на привѣтствіе, директор прошел мимо, но милостиво обратился к вновь-прибывшему:

— На счет работы? — хорошо, обождите.

Новоприбывшій смѣшно задергался и засуетился; казалось, и дышать-то забыл от растерянности и не издал ни звука, — но понял сказанное. Это было ясно по тому, как он пріободрился, выпрямился и стал

как бы выше, точно тут-же вырос.

Костерев-же был возмущен: «Негодяй!.. Директор директором, а отвѣтить должен по людски. Скотина!» думал он со злобой.

Директор подал ему конверт...

— Получите разсчет: здѣсь ваша плата, — сказал он и, отвернувшись, заговорил с нанимавшимся рабочим.

Костерев машинально взял конверт, но у него сперло дыханіе, точно его неожиданно облили холодной водой. Он шагнул к директору и прерывающимся голосом проговорил:

— К-ак, за-а что?..

Директор, как бы не слыша, продолжал разговаривать с рабочим. Костерев, послѣ мгновеннаго колебанія, подошел к нему вплотную и глухим, но твердым голосом спросил:

— За что вы меня расчитываете?

— За что, — с раздраженіем переспросил директор, взглянув через плечо на Костерева, — вчера опоздал, сегодня опоздал, — я не желаю этого больше. кажется достаточно понятно. Он снова отвернулся к другому рабочему.

В глазах Костерева вспыхнул недобрый огонь, но он все еще сдерживался, пытаясь убѣдить директора:

— Это несправедиво... я не по своей винѣ.... Можете справиться на станціи... Не я один — сотни других опоздали... Надо принять во вниманіе...

Директор с гнѣвом повернулся к Костереву и, глядя в упор в его озлобленные глаза, отрывисто отрѣзал:

— Ничего я знать не хочу, почему и как ты опоздал! Получил свои деньги, ну и уходи!..

Костерев вздрогнул, как от удара:

— Как это — «уходи»? — закричал он, наклоняясь к директору.—Почему вы мнѣ не говорили «уходи», когда я стоял на плохой работѣ, которой никто не хотѣл работать, хоть я тогда и опоздал нѣсколько раз?... А теперь — «уходи»! Когда я по вашей винѣ, три недѣли прождал матерьялу, а потом потратил три дня на заправку машины вы уплатили мнѣ только за пол дня. А ѣсть-то мнѣ, небось, нужно каждый день?

Директор, взбѣшенный дерзостью Костерева, трясся от злобы. Поправив дрожащей рукой пенснэ на носу, он заикаясь, проговорил:

— Ты... ты машину заправлял для себя... за эту работу платы не полагается.

— Это ложь, — сорвался Костерев, теряя самообладаніе.

— Что-о, что-о?

— А то, что машина остается вам, а меня вы выбрасываете...

— Пошел вон! — дико крикнул директор, не дослушав Костерева.

Послѣдній поблѣднѣл и, жадно потянув в себя воздух, выпрямился. Глаза его с'узились, потом, широко открывшись, блеснули зловѣщим огнем: и столько ненависти, презрѣнія и угрозы вдруг вспыхнуло в в них, что директор предусмотрительно придвинулся к телефону.

«Отомстить!.. Хоть одному отомстить за всѣ многолѣтнія обиды и притѣсненія, за всѣ страданія!... Мелькнуло в головѣ Костерева. «А тюрьма?» — шеп-

нул предостерегающій голос.

— Вон, мерзавец, вон! — прервал его размышленія яростный окрик директора, величественно указавшаго ему пальцем на дверь.

— Я мерзавец? — рванулся Костерев к директору со сжатыми кулаками. — А ты... грабитель!., — крикнул он прерывающимся голосом.

Директор схватил с бюро трубку телефона.

— Стой, или хуже будет! — с трудом сдерживая свой гнѣв, остановил его Костерев. — Уйду без ваших друзей и помощников — полиціи. Подлецы, грабители, — процѣдил он еще сквозь зубы, выходя из конторы.

В мастерской, гдѣ были слышны чрез полуоткрытую дверь конторы гнѣвные крики, его встрѣтили подозрительные, враждебные взгляды мастера и его двух помощников. Пока он быстро одѣвался и складывал в небольшой дубовый сундучек свои инструменты, они, стоя в проходѣ, наблюдали за ним.

— Вам что надо? — спросил Костерев, смѣривая мастера взглядом.

— Чтобы ты ушел, — недружелюбно отвѣтил тот.

— Так прочь с дороги! — гаркнул Костерев, угрожающе подняв над головой сундучек, за привинченную к крышкѣ ручку, и двинулся к проходу.

Помощники отскочили, а мастер отступил шаг назад, злобно кивнув Костереву:

— Разбойник!..

— Сами вы всѣ тут грабители и разбойники, —

отвѣтил Костерев, направляясь к выходу.

Рабочіе, стоявшіе у машин на его пути, одни с любопытством, другіе с сожалѣніем смотрѣли на уходившаго Костерева.

Боясь открыто заговорить с ним в присутствіи мастера, нѣкоторые только незамѣтно, не обращаясь прямо к нему, бросали вопрос: «За что выбросили?»

— За опозданіе, — угрюмо отвѣчал Костерев.

Одна только пріятельница работница подошла к нему, чтобы узнать, в чем дѣло?

— Чтоб их холера забрала! — гнѣвно выругалась она, мотнув головой в сторону конторы.

У выхода Костерева поджидали с очень недоброжелательным видом молодой подметальщик и старик-сторож, но отступили в сторону, видя, как рѣшительно Костерев размахивает своим сундучком.

— Что, трусы, охраняете своего кровопійцу?... Рабы презрѣнные!.. Собаки послушныя!.. Лижете ручки вашего благодѣтеля? — говорил Костерев, спускаясь с лѣстницы и оглядываясь на них.

Старик плюнул ему вслѣд, а подметальщик крикнул:

— Иди, иди, — пока не влетѣло!

— Ну, вот и «свободен», — громко выговорил Костерев, криво усмѣхаясь, — да «свободен» умирать съ голоду...

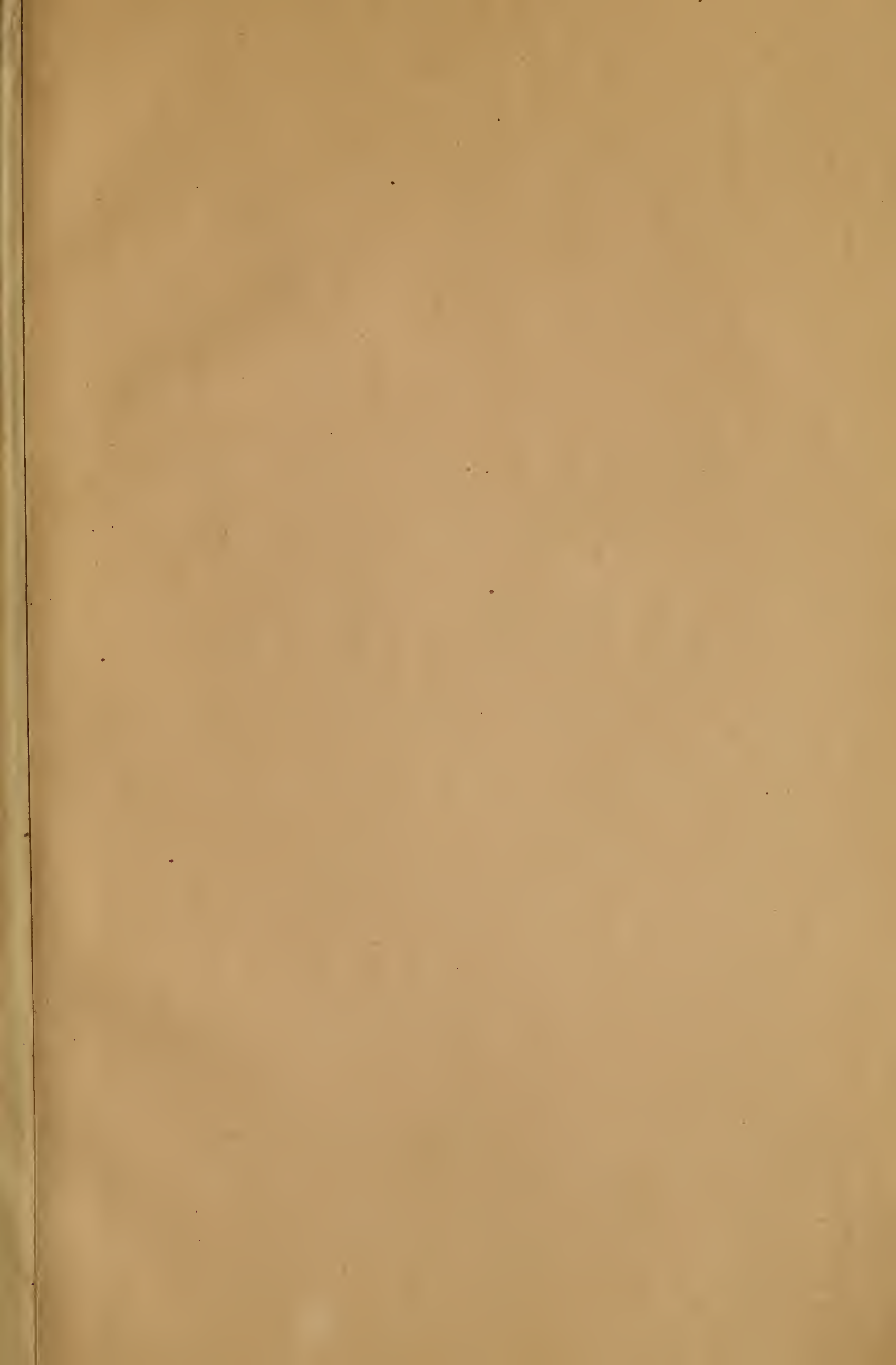
«И когда же кончится эта власть человѣка над человѣком?» — думал он, с ненавистью глядя на фабрику.

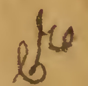
Пред'утренней мглы как не бывало. Был ясный солнечный день, и от этого свѣта и блеска еще тяжелѣй и обиднѣй становилось на душѣ.

«Жить!.. Жить хочется!» — точно кричал кто-то внутри него, но не дают, — глухо прибавил он вслух.

— Мошенники! — бросил он еще раз, косясь в сторону фабрики, — будет и вашему царству конец...

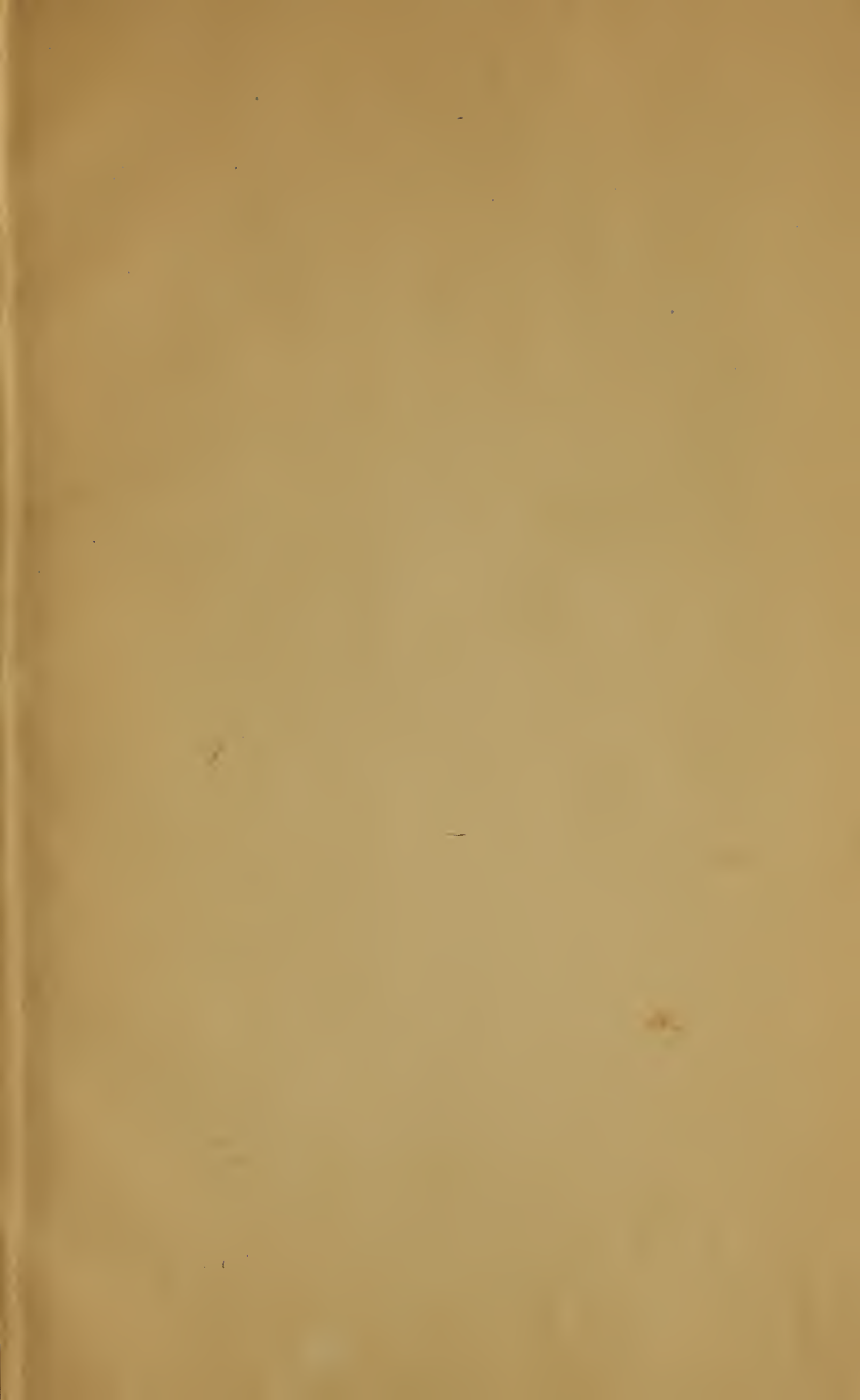
К о н е ц.

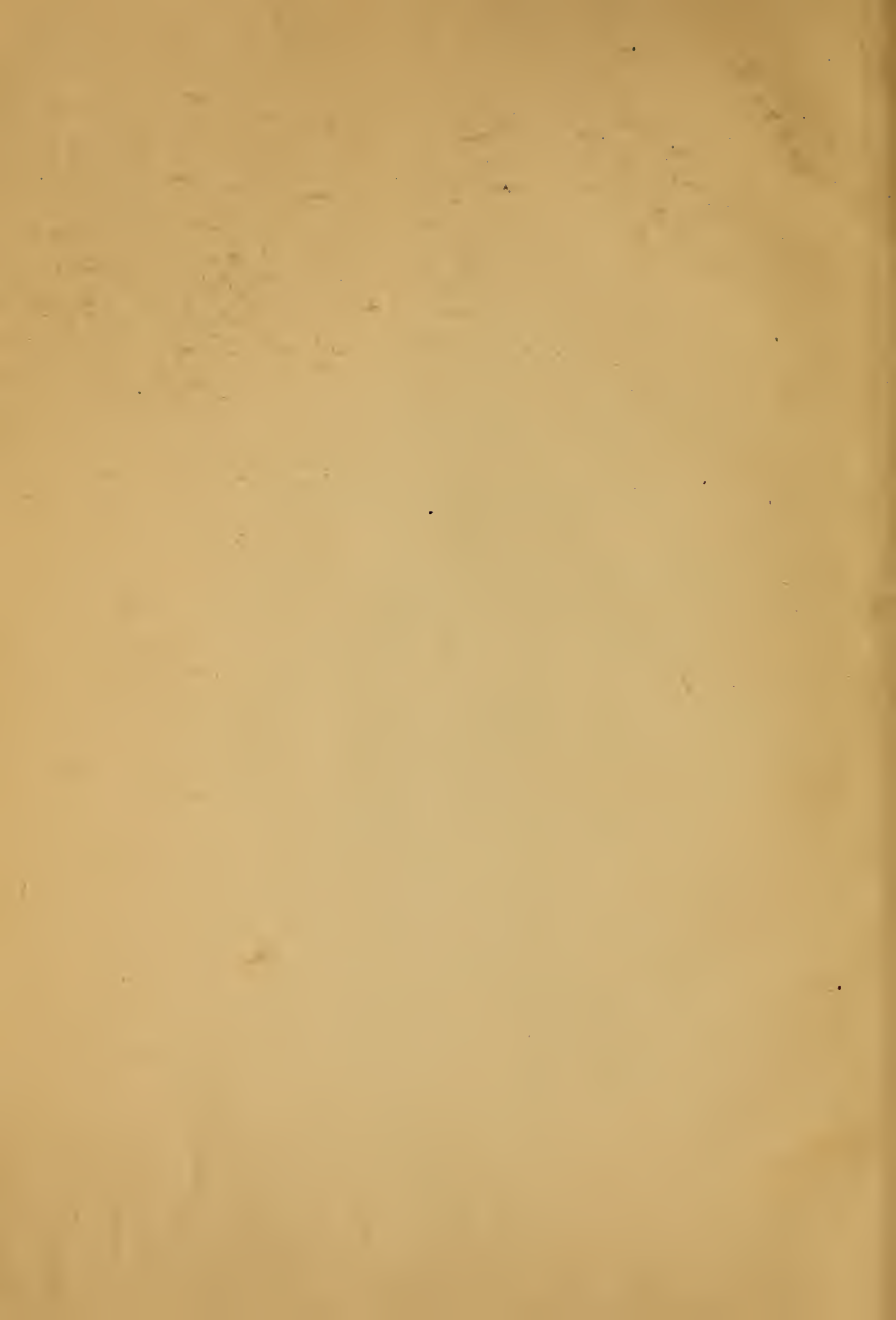

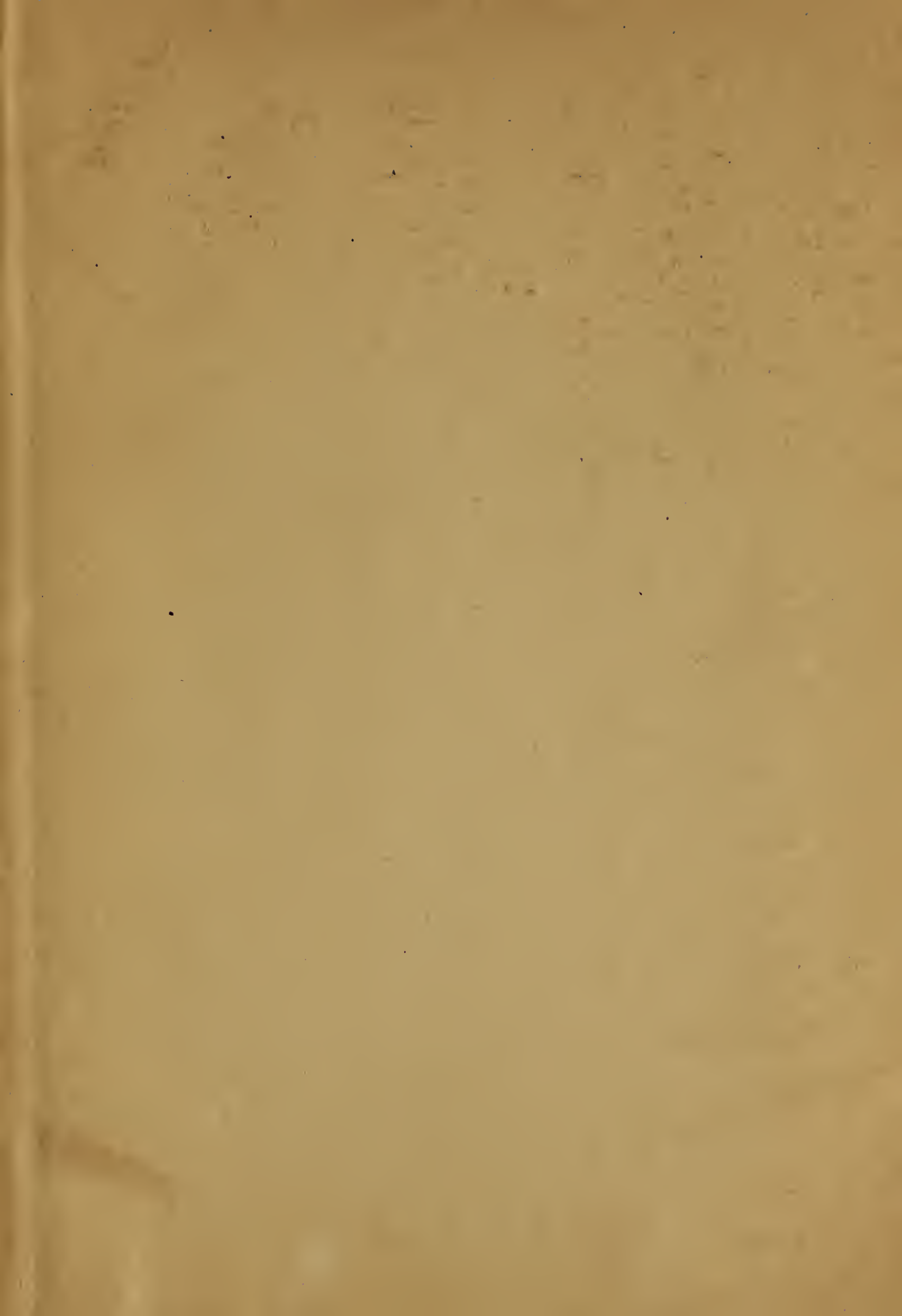

LIBRARY OF CONGRESS
00023935557